

ЛАРИСА СОБОЛЕВА

ЖЕЛТЫЕ РОЗЫ ДЛЯ АКТРИСЫ

ДЕТЕКТИВ
ПО НОВЫМ ПРАВИЛАМ

ТАМ, ГДЕ НАСТОЯЩЕЕ
ПЕРЕПЛЕТАЕТСЯ
С ПРОШЛЫМ, —
ВОЗМОЖНЫ
НЕОЖИДАННЫЕ
ПОВОРОТЫ СУДЬБЫ...

Детектив по новым правилам (АСТ)

Лариса Соболева

Желтые розы для актрисы

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Соболева Л.

Желтые розы для актрисы / Л. Соболева — «АСТ»,
2018 — (Детектив по новым правилам (АСТ))

ISBN 978-5-17-107965-9

Саша – актриса небольшого провинциального театра. Многие коллеги завидуют ее успехам на сцене, но для Саши это мелочи – она любит свою работу и в целом очень довольна жизнью. Однажды у Саши появляется тайный поклонник, который регулярно присылает ей в подарок желтые розы. Не сразу замечает Саша, что цветы в букетах перевязаны траурной лентой, не сразу понимает, что это нехороший знак... И то, что казалось лишь странностями ее воздыхателя, превращается в страшный сон наяву. Ей страшно находиться в театре, играть на сцене, ходить по улицам – отовсюду может прийти смерть. Саша пытается выяснить, кто присылает букеты, но тщетно. А что, если тот, кто желает ей зла, – человек из недалекого прошлого? Саша вспоминает о непростой ситуации, в которой когда-то находилась, и понимает, что отголоски тех событий могут привести ее прямо в руки убийце.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-107965-9

© Соболева Л., 2018
© АСТ, 2018

Лариса Соболева

Желтые розы для актрисы

© Л. Соболева

© ООО «Издательство «АСТ», 2018

* * *

1

Она угодила прямо на декоративный кустарник, изрядно его помяв. Лежала ничком, свесив руки и голову вниз, а коленями опираясь на заасфальтированную дорожку вдоль дома. Со стороны выглядело так, будто даме стало плохо, может быть, ее мутило, поэтому она стала на колени и вдруг упала грудью на куст. Возможно, пьяна... Только дама не подавала признаков жизни. Никаких. Но это еще ничего не значит...

– Она без сознания? – с робкой надеждой спросила Саша.

Он подошел к несчастной, протянул руку к шее, чтобы узнать по пульсу – есть ли жизнь в этом теле, но тут же отдернул ее, не дотронувшись:

– Ограда самодельная, грубо собранная... Она упала точно на прутья... Посмотри, они проткнули ее насквозь... Нет, лучше не смотри. Да и вообще, с такой высоты... шанса у нее не было ни одного и без прутьев.

Теперь и Саша заметила два черных пятна на спине, это, конечно, кровавые пятна. Она запрокинула голову и посмотрела на стену многоэтажки, уходящую далеко вверх, в темноту, невольно ахнула:

– Как ты увидел ее оттуда? Высоко и темно...

– Желтый халат... и фонарь... Она буквально светила вниз...

– Боярова, на сцену! Боярова! Прогон начался, а тебя нет!

Задумавшаяся Саша вздрогнула, услышав по трансляции глухой голос помощника режиссера, или помощницы – кому как нравится. Люся не просто командует, когда следует дать занавес и свет, когда выходить артистам, она по совместительству жена одного из ведущих актеров и центральная бульварная газета – все знает обо всех, даже то, чего никогда не было.

Времени до выхода минут пять, это как минимум, но Люся вечно паникует. Чтобы не злить ее, Саша суетливо подскочила со стула, потом все же задержалась и бросила последний взгляд в зеркало. Грим, конечно, преображает, особенно сценический, но лицо в зеркале и умытое – лучше редко найдешь (так многие уверяют), а в гриме... Саша осталась довольна, да, довольна! А что в этом особенного? Разве есть женщины, которые не нравятся себе? Наверняка нет таких, просто вслух они говорят обратное.

Правда, если по отдельности рассматривать черты – ничего выдающегося, кроме глаз, это яркое пятно на лице, они у нее необычные, очень светлые, при этом цвет васильковый, но прозрачный и чистый. А разрез, величина – обычные. Трудновато описать. Что там еще по отдельности? Рот. Он большой, и, наверное, поэтому выделяются губы, а нос... прямой, немного великоват, немного широковат – нос совсем непривлекательный, жаль. Лоб высокий, но подбородок короткий, из-за рта, надо полагать. Волосы густые, прямые, цвета горького шоколада. Нет, серьезно: по отдельности описать – получается уродина, а смотришь на все вместе – краса ненаглядная!

Однажды вышел курьез: Саша звонила в один из театров по поводу устройства на работу, попала на очередного режиссера (в театрах есть главный режиссер и парочка очередных), он

попросил ее описать свою внешность для начала. И Саша, глядя в зеркало, с упоением рассказывала, но...

– Острохарактерных актрис у нас полно, – услышала в трубке. – Нам нужна красивая и молодая, амплуа – героиня. До свидания.

– Вы неправильно меня поняли, я могу прислать фо...

Фотографии! – не успела произнести, он отключился от связи. Саша извлекла ценный урок: надо сразу говорить, мол, сейчас вышлю портфолио с несравненными фотографиями, вы сами увидите мой прекрасный облик и упадете от восторга. Вот так надо делать себе рекламу.

– Ой! – вспомнила она, что скоро ее выход, подхватив тяжелые юбки королевского наряда, ринулась бегом из гримерки на сцену.

Пять-шесть минут сейчас необходимы, чтобы послушать тональность спектакля, войти в него органично, не повредив атмосферы, и балдеть, играя... Нет! Проживая чужую жизнь, как свою собственную.

Вот она – сцена, присущий только ей запах и тайна, когда все, что здесь происходит, воспринимается магией. Саша присела на краешек бутафорского кресла у самой кулисы и ждала реплики, вслушиваясь в мелодику голосов. Генеральный прогон (первый, между прочим) все равно что спектакль, однако разница есть: отсутствует зритель и волнение. Но это все впереди, через два дня, а сейчас... пора!

Саша поднялась с кресла, готовясь к выходу... Только сначала нужно взобраться по хлипкой лестнице на такое же хлипкое сооружение, чтобы эффектно спуститься на сцену, словно с небес. Саша выпрямила спину, вытянула и без того длинную шею, приподняла подбородок... Затылок уперся в стоячий кружевной воротник невероятных размеров. Жутко неудобная деталь: жесткая проволока, на которой держится накрахмаленная до бетонной жесткости конструкция, врежется в плечи и шею. Голову свободно не повернешь, а если повернешь – обзор закрывает боковая часть воротника. Вдобавок не проходило ощущение, что вся эта крахмальная жесть свалится с плеч – костюмы выдали сегодня, Саша не привыкла к ним, собственно, привыкать уже времени нет. Интересно, как сама Мария Стюарт таскала этот кошмар? Впрочем, ее одевали и обували, раздевали и разували, она же была королевой, ей всего лишь нужно было красиво ходить. А Сашке нужно еще играть, самой раздеваться, если костюмеры заболтались в курилке, и...

– Стоп! – как ошпаренный кипятком, завопил в зрительном зале режиссер. – Девочки! Вы же не на рынке встретились и сплетничаете! Вы, извиняюсь, светские львицы при дворе Франциска II. Вы злословите!

– А какая разница? – обиженно пожала плечиками молодая актриса из вспомогательного состава, играющая Даму (да, просто Даму, без имени).

– Большая! – свирепо прорычал режиссер, взбега по ступенькам на сцену на смешных коротеньких ножках. – Огромная! Это же Франция, девочки! Шестнадцатый век, родненькие! А Франция уже тогда была законодательницей мод, изысканных манер, искусств и всего, что связано с любовью! Вы должны передать эпоху...

– У нас было мало репетиций, – оправдалась вторая Дама (постарше, по имени Лада), сидевшая на эпизодах лет двадцать, оттого злющая, словно ведьма. Ну, тут дело известное: каждая артистка видит себя только в главных ролях, даже в мужских.

– Репетиций! – взвыл режиссер, взмахнув коротенькими руками. – Но у вас и эпизод пятиминутный! Это же просто: легко, изящно болтать! Не красьте текст!

Казалось, Геннадий Петрович, имеющий большое сходство с мячиком, растерзает двух актрисул, заваливающих начало спектакля. За круглую фигуру ему дали кличку – Пинг-Понг, а перед премьерой он становился свирепым, как... мультяшный персонаж, в эти периоды его звали иронично: крокодилом Геной, он больше смешил, чем пугал. В общем-то, клички беззлобные, как и сам Геннадий Петрович, положивший на эту сцену лет тридцать своей

жизни. В театре всегда есть недовольные, но при всем при том он снискал уважение даже у заядлых циников, потому что справедлив, честен (да, и такой феномен еще встречается на подмостках), заразителен в своем фанатизме и главное – одарен. Благодаря ему этот небольшой театр с непрестижным статусом «городской» (значит, заурядный) выжил, когда бедствие терпели, потонув в омуте рыночной экономики спесивые коллеги из «незаурядных». Сейчас он был вне себя, его кудрявые волосики тоже возмутились – торчали в разные стороны, а может, он просто забыл расчесаться.

– Учитесь пользоваться языком! Язык – это ваш инструмент, вы обязаны слышать, чувствовать и понимать слова! Мысль рождает интонацию, понимаете? Мысль! Которую не надо окрашивать, а вы красите, отсюда бессмыслица. Русский язык ассоциативный, он передает нюансы, рисует образ, все это зритель легко считывает! «Сплетничать» и «злословить», девочки, глаголы разные! Сплетничать – это грубо, грязно перемывать кости, не стесняясь в выражениях. А злословить – это с присущим снобам высокомерным юмором излагать свое видение ситуации.

– По-моему, это одно и то... – не договорило молодое дарование.

– О-о!.. – застонал главреж, схватившись за голову и заходяв вокруг девиц, считающих себя актрисами, несмотря на отсутствие образования у обеих.

– О-о... – вторил ему Иннокентий, только очень тихо. – Это надолго.

Взявшись за кончики воротника пальчиками, Саша повернулась к нему и не смогла сдержать смешка. Молодой человек, представившийся Иноком (он сократил свое имя), стоял вплотную, скрестив на груди руки. Глядя исключительно на сцену, Иннокентий жмурился, втянув голову в плечи, когда режиссер вопил; через паузу безумно тарашился, когда крокодил Гена неистово тряс руками, а потом морщился, закусив губу и слушая глупенькие оправдания актрис. Талант комика пропадает!

Но он не актер, хотя внешность у Инока подходящая для классического героя в отличие от здешних «первых скрипок». К сожалению, в труппе не на ком глаз остановить из мужского состава, а у Инока – рост, плечи, мышцы, фейс кареглазый с резко очерченными брутальными скулами, и шея брутальная, во всяком случае, шея шире головы. Может, в такой маленькой голове и мозгов кот наплакал? Поэтому и попал Инок в храм Мельпомены монтировщиком декораций – совсем непрестижная профессия, она для тех, у кого с серым веществом напряженка, а с мышцами порядок. Но если без отступлений, то залетел он сюда недавно и случайно, как сам уверял, значит, не собирается задерживаться.

А Саша? Давно ли она сама в этом городе, в этом театре? Разве не случайно очутилась здесь? Однако повезло ей гораздо больше, чем Инноку, Саша актриса, играет главные роли, о которых можно мечтать, ей снимают и оплачивают жилье. Кстати, о ролях: играть Марию Стюарт в двадцать семь лет... вот бы однокурсницы обзавидовались, если б узнали, но не узнают.

– Где Боярова? – послышалось грозное шипение помрежа Люси, прибежавшей с противоположного конца сцены, там у нее пульт, при помощи которого она управляет спектаклем. – Где, блин, Мария Стюарт? Я же вызывала ее! Смотрю – нет! В этом театре собрались одни глухие!

– Здесь, здесь, – отступил Иннокентий, открывая обзор на Сашу, ибо увидеть актрису в темноте (освещена только сцена) и в темно-зеленом платье сложно.

– Я готова, – тихо подала голос та.

– Слава богу, – потирая лоб, будто дико устала, выдохнула Люся. – Да, Саня! Не спорь с главным, он сегодня немножко психованный...

– Слышу, – улыбнулась Саша. – Нервничает перед премьерой. Между прочим, я с ним никогда не спорю.

А чего спорить, если мировоззрение, взгляды, видение совпадают? Со сцены свет падал на Люсю, высвечивая частями верх головы, нос и подбородок, плечи, грудь – эта часть заслу-

живает оды, но речь не о ней. Остальные части остались черными провалами, так что в темном закулисье она представляла собой ирреальное создание. М-да, постороннего человека напугала бы точно. Эта маленькая женщина с большими амбициями и большой грудью о чем-то раздумывала, глядя на Сашу, наконец выдала, что ее беспокоило:

– Хочу предупредить... Королева Елизавета приняла... м... допинг... Но ты с ней все равно не сталкиваешься на сцене, главное, за кулисами не столкнись, а то хрен знает, что за настроение у нее после недопития.

Ого, дело принимало опасный поворот. Зеленый змий сопровождает сорокатрехлетнюю примадонну данного театра давно, но ей-то удовольствие он приносит, остальным портит нервную систему. И сильно портит. Были моменты, когда она лыка не вязала во время спектакля, лишь передвигалась на мизансцены. А текст за нее успешно рассказывали партнеры, тогда как за кулисами все поголовно покатывались от хохота. Неужели опять? За два дня до премьеры ушла в запой? Очень не смешно.

– Пьяная, что ли? – расстроилась Саша.

– Не совсем, чуть-чуть! – почти с ужасом прошипела Люся, погрозив пальцем Саше, словно от той зависело – доживет коллега до конца спектакля в более-менее трезвом состоянии или спечется.

– Вы же знаете, ей стоит только начать...

– Не-не, я выкрала бутылку водки, – шепотом призналась Люся. – Там немножко отпито, короче, она вменяемая. Не попрется же мадам Оленева в королевском наряде за пойлом!

– Вам видней... – с сомнением произнесла Саша.

Ближайший продуктовый магазин, где можно отовариться сорокаградусной «амброзией», присоединился как раз рядышком с театром, покупатели давно привыкли к странным личностям в гримах и костюмах. Но артисты не злоупотребляют набегам на точку, нет-нет, только в крайних случаях, хотя для Оленевой всегда случай крайний. Понимая, что тревожит Сашу, Люся развеяла ее небеспочвенные сомнения:

– Не бойся, я приказала закрыть все двери, ей не выйти из театра до конца спектакля. Ой, Сашка, тебе на выход!

Действительно, с третьего раза спектакль пошел без остановок режиссером, зазвучали фанфары, а это сигнал Саше. Она кинулась к закулисной лестнице и через минуту степенно спускалась на сцену под крики:

– Королева идет!..

* * *

У стены ресторана, раскинув руки, лежала Катрин, раскинув руки. Лицо повернуто в сторону, глаза нереально широко распахнуты, они бессмысленно смотрели куда-то, где жизни нет. Пиеничные волосы, шелковые и мягкие, расплзлись длинными прядями по груди, шее, змеились на асфальте... Камень! Большой и бесформенный. Он лежал рядом с головой, тонкая прядь зацепилась за него, а на одном из выступов – темные пятна... пятна крови... Откуда взялся здесь камень? Из декоративного бордюра рядом с асфальтовой дорожкой вдоль стены.

Но с Катрин произошла метаморфоза: ей уже не дала бы Саша тридцати пяти лет, на асфальте она видела женщину, которой минимум пятьдесят, в вечернем коралловом платье, облепившем ее немолодое, но стройное тело...

– Черт!

Саша таращила глаза по сторонам... Потолок... Окно... Комод... И утро! Она рассмеялась, так как поняла: мгновение, увиденное ею в момент просыпания, ничего не имеет общего с реальностью, это просто картинка из полусна.

Просыпаться с ощущением покоя и в предвкушении блаженства от предстоящих репетиций, а также завтрашней премьеры, это... это неопишное состояние. Странно, что у Саши была другая жизнь, которая как бы отодвинулась далеко, но все еще с ней, именно по утрам та жизнь регулярно вспоминалась. Только по утрам, позже дурным воспоминаниям нет места в суетном дне, а нет потому, что работа – праздник. Разве что иногда, во время пауз...

Наспех позавтракав бутербродами с чаем, Саша вышла за порог флигеля. Ей сняли симпатичный флигелек из двух маленьких комнат со всеми удобствами и крошечной кухоньки – потрясающие хоромы, и это без иронии. Пожилые хозяева живут в большом доме, из которого дети вылетели в другие города необъятной России, а флигель сдали за символическую плату, чтобы хоть кто-то был рядом. В данную минуту они орудовали граблями в саду, хотя сельхозинструмент в их руках нечто аномальное, оба стопроцентные интеллигенты, но те, про которых снимали старые добрые фильмы.

– Доброе утро, Сашуля! – помахал Игорь Степанович.

– Доброе утро, – отозвалась она, закрывая на ключ дверь.

– Сашенька, вы так поздно приходите, – поспешила к ней Валерия Олеговна. – И наверняка голодная. Разрешите мне оставлять вам ужин?

– Нет-нет, – запротестовала Саша. – Я вполне справляюсь.

– Да когда же вам готовить еду? Мне нетрудно, я все равно стою у плиты, и вы не упадете в голодный обморок на сцене. Не спорьте, не спорьте. Мы очень ждем премьеры.

– Я тоже. И ужасно волнуюсь.

Саша положила ключ на перекладину под навесом, помахала милым старикам и отправилась на свой праздник! Это когда хмурые попутчики в маршрутке видятся потрясающе обаятельными, а погода всегда кажется самой лучшей – хоть дождь, хоть метель. Это когда не идешь, а переступаешь по воздуху, когда страстно хочется поскорей добраться до театра, войти в гримерку, сесть за столик и на минутку отключиться, чтобы с новыми силами присоединиться к таинству. Миллионы людей не знают, что это такое – с огромным желанием бежать на работу, а потом упиваться каждым часом там. Этот праздник компенсирует все потери, подпитывает надежду, что настоящее защитит от потрясений прошлого, а будущее залечит.

На вахте она расписалась в журнале, по которому завтруппой определяет, кто явился на работу, а кого пора искать с ищейками, и успела отойти от стола, но вахтерша окликнула ее:

– Саша, стой! Тут тебе... вот...

Цветы! Желтые розы, обернутые хрустящим целлофаном.

– Поклонник завелся, – мечтательно улыбнулась во весь рот, заполненный ровными искусственными зубами пожилая вахтерша.

Завелся... как вши, что ли? А что еще заводится? Сашу насмешило выражение вахтерши, хотя оно известно давным-давно, но применительно к себе не воспринималось. Ну, пусть завелся... да, поклонник. Наверное. Нет, в самом деле, кто-то присылает цветы уже третий раз с тех пор, как труппа вышла из отпуска, то есть с августа. Именно в конце августа она получила первый букет, в сентябре второй, и вот октябрь. Саша не спросила – от кого, потому что знала ответ: приехал доставщик из цветочной фирмы «Флора&Букет», а он не в курсе, кто делал заказ и когда, он просто развозит по адресам.

Однако сегодня букет не безымянный, в цветах виднелась фирменная карточка! Неужели этот самый, который завелся, оставил свой автограф и представился? Саша прочла: «Это тебе для настроения перед премьерой».

Не-а, подписи нет. Да и какая разница, кто присылает цветы? Не женщина же! А с мужчинами, даже с самыми-пресамыми, заводить знакомства Саша не планирует в ближайшем будущем, теперь ее путь – театральная аскеза. Звучит пафосно, только лучше-то не скажешь. Но приятно. Ой как приятно быть кумиром, иметь поклонников, получать от них цветы и играть, проживать еще одну жизнь, непохожую на ту, что есть в реальности.

В гримерке никого не было, две актрисы, занятые в массовых сценах в конце спектакля, придут за пять минут до начала второго акта – такова договоренность, а должны приходить к началу первого акта. У Саши есть возможность сосредоточиться перед генеральной, а не слушать болтовню ни о чем. Общаться она не любила, в то же время понимала: без дурацкого общения, без вникания в чужие проблемы – кто с кем и зачем, болезни детей и категоричные мнения по всякому пустяку, – ее будут воспринимать негативно. Ей нравится подумать, походить по пустой сцене, подышать ароматом кулис. Правда, сегодня доделки-переделки, Саша будет только мешать, значит, остается гримерка. Она переоделась в халатик и села гримироваться.

Пришла парикмахер Динара с париками, набором расчесок и шпилек, опрятная, доброжелательная, красивая, словно восточная шахиня времен Гаруна-аль-Рашида. Ей где-то за тридцать пять, но вряд ли сорок, к тому же она зав парикмахерским цехом, ее должно называть на «вы» и по имени-отчеству, однако Динара потребовала только по имени и на «ты». А какая умница! Столько знает, что диву даешься: почему Динара на этом месте застряла, а не где-нибудь в столице среди ученого люда. Натягивая на голову Саши парик, она заметила на соседнем гримерном столике букет:

- О, какие роскошные розы! Откуда?
- Не знаю. На вахте передали.
- Хм, поклонник? Наши артистки тебе этого не простят.
- А я тут при чем?

Возмущившаяся Саша развернулась к ней, хотя прекрасно видела отражение Динары в зеркале. Эта импульсивность объяснима: молодая актриса чувствовала неприязнь к себе многих членов труппы, проще говоря, не прижилась здесь Александра, ей только и не хватало лишнего повода, чтобы неприязнь укоренилась намертво. Чуткая Динара, излучавшая спокойствие, взяла девушку за плечи и вернула ее в прежнее положение – лицом к зеркалу.

– Не вертись! – мягко сказала своим певучим голосом в среднем регистре Динара. Кстати, она прекрасно справлялась со своими эмоциями, демонстрируя нордический характер вместо восточного пламени. – Ты, конечно, не виновата, что приехала в нашу дыру и сразу стала первой на этих подмостках. Первой и незаменимой. Не виновата, что актрису Александру Боярову обожают зрители и ходят посмотреть на нее, чего давно не помнит наш театр. Ты не виновата, что красивая, талантливая, успешная, удачливая и производишь впечатление независимой...

– Не продолжай, – кисло перебила Саша, – а то заплачу от жалости к себе.

– Неужели? – рассмеялась Динара. – Я же просто перечислила твои плюсы, которые неприятны тем, у кого их нет. Ты имеешь слишком много достоинств и хочешь, чтобы тебя любили? Так не бывает.

Она не грешила против истины, это что касается отношения к Саше актрис и некоторых актеров-мужчин. Приходится вынужденно жить в замкнутом мирке, с другой стороны, замкнутость молодую актрису не напрягает. А что касается достоинств... мало кто находит их в себе, а Саша, если честно, облеплена комплексами, как старинная театральная тумба времен Чехова афишами, только об этом никто не знает. Во-первых, красивая – не факт, что счастливая, к сожалению, это аксиома. Во-вторых, набор из «талантливая, удачливая, независимая» не соответствует действительности, так как Саша сомневается во всех этих позициях, и сомнения возникли не на пустом месте. Казалось бы, характер у нее противоречивый: то нравится себе, то не нравится, но нет, нет и еще раз – нет. Просто слово «успех» в ее понятии и в понимании Динары – две противоположности, находящиеся в разных точках космоса. А самое главное она высказала вслух:

– Знаешь, Динара, независимых людей не бывает. Нашими поступками руководит зависимость, только она. Абсолютно свободных людей... нет, я таких не встречала. Даже самый

богатый человек, который считает себя свободным, все равно зависит... от жены, детей, бизнеса, власти, денег. Он не может распоряжаться собой, хотя может думать иначе.

– Мрачноватый взгляд на жизнь.

– Реалистичный, – подобрала более точное слово Саша.

Динара закрепила шпильками парик, поглядывая все время на розы, будто цветы что-то напоминают ей, но что – она не могла вспомнить. Чуть позже, подвивая пряди горячей плойкой, задумчиво произнесла:

– Желтые цветы... Похоже, эти розы со смыслом.

– Со смыслом? – оживилась Саша.

Первая мысль: ну, какой может быть смысл в букете? Это выражение благодарности, восхищения, любви, в конце концов. Однако! Динара человек другой культуры, а Восток знает много тайн и умеет расшифровывать обычные вещи в руках людей, словно древние манускрипты. Тайны... мистика... все это так манит, так хочется узнать – что там, впереди, притом надеясь на самый лучший вариант из всех возможных направлений. Саша не исключение, на кофе гадала, карты Таро в руки брала, гороскопы иногда почитывала, дабы отодвинуть завесу времени грядущего, чтобы увидеть и обойти булыжники на жизненном пути.

– Это третий букет, – сказала. – Желтый цвет – цвет жизни, солнца, радости, праздника. А золото! Оно тоже желтое, значит, это цвет богатства.

Она полагала, что правильно поняла смысл.

– Думаешь? – задумчиво и серьезно произнесла Динара, в десятый раз покосившись на розы. – Но почему-то, когда говорят «желтая газета», у нас возникают негативные мысли. Тяжелобольной человек тоже желтого цвета, кстати, одно заболевание так и называется: желтуха, следовательно, это и символ нездоровья. А желтый дом? Ты же читала «Записки из желтого дома»? Там печаль, боль, одиночество, сумасшествие, тоска...

– Хочешь сказать, меня ждет какая-то гадость? – еще не верилось Саше.

И хохотнула, давая понять, что здесь некому грозить ей букетами, кроме актрис, конечно, но их бояться, по большому счету, глупо. Семь розочек – дорогая шуточка, не по карману провинциальным артисткам, которые не выбрасывают рваные колготки, а надевают их под брюки. Экономия, черт возьми! Но Динара даже не улыбнулась, а задала совершенно неожиданный вопрос:

– И прошлые два букета были перевязаны похоронной лентой?

– Что? – потерялась и одновременно насторожилась Саша.

– Сама посмотри: твои розы перевязаны черной лентой. Странно как-то... Ты не находишь?

А Саша не обратила внимания на цвета ленточек. Ни сейчас, ни два предыдущих раза. Она перевела взгляд на гримерный стол рядом, на нем и лежали желтые розы безупречной формы, изумительные и дорогие... Действительно: тонкая ленточка черного цвета с завитыми в спирали концами перетянула длинные стебли, завернутые в прозрачный целлофан. Лента похоронная, без сомнения. Случайно?

Как все творческие люди (или почти все), Саша страдала мнительностью, посему сразу выстроила в уме легион врагов, готовых в порошок ее стереть, а пока они присылают злоежающие знаки, можно сказать, куражатся над ней. Было бы логичней не подпитывать свою мнительность, ведь, как показывает практика, ничего из того, что выстраивает болезненное воображение, не осуществляется. Но данный тактический ход вошел в привычку, чтобы просчитать удары и подготовиться к обороне.

Заметив, какое удручающее впечатление произвела похоронная лента на Сашу, Динара спохватилась. Держа за плечи приунывшую девушку, совсем непохожую сейчас на королеву, она наклонилась так, что ее лицо очутилось на одном уровне с лицом актрисы, и, глядя в зеркало на нее, заворковала с толикой незлой насмешки:

– Что это с вами, ваше величество? С чего это вы повесили свой носик? Вас напугала какая-то ленточка?

– Но это же намек...

– А может быть, – перебила Динара бодрым тоном, – ленточки других цветов закончились? Мы же глухая провинция, у нас до сих пор не редкость дефициты. И потом, Саша, пугаться стоило, если б роз было шесть. Шесть! Нечетное число несут на кладбище. И плюс к шести розам похоронная лента... в этом случае – да, это был бы плохой знак, в сущности, угроза. Но роз семь. Семерка в нумерологии означает одухотворенную материю. Бог создал землю и все живое на ней за семь дней, цветов радуги тоже семь, как и дней недели. Это число гармонии, Саша. Я поставлю твои розы в вазу, хорошо?

Саша согласно кивнула, а осадочек все равно остался – пуганая ворона куста боится, это, без сомнения, так. Честно говоря, она уже готова была отдать цветы Динаре, чтобы не видеть их больше, забыть о них и похоронной ленте, но тут раздался призыв по трансляции:

– Все участники спектакля «Виват, королева!» приглашаются в зрительный зал. Господа артисты, в вашем распоряжении одна минута, не опаздывайте. Предупреждаю: бумаги для докладных у меня на всех нарушителей хватит.

Докладные – это ой! Люся строчит их беспрерывно по каждому пустяку, будто задалась целью известить актерский состав. На самом деле она банально выслуживалась перед начальством, демонстрируя, как непогрешимо бдит дисциплину и справедливо стучит на проштрафившихся артистов. Разумеется, рассчитывать на обожание при таких редких способностях глупо. Но, как ни странно, подобные люди удивляются и страшно обижаются, когда понимают, что их не любят, мягко говоря.

Пришлось спешно одеваться в костюм при помощи Динары – костюмеры, молодые ленивые девчонки, как обычно зазевались или нарочно опаздывали, выражая тем самым солидарность с теми, кто жаждал играть Сашины роли.

В зрительном зале артисты, не имевшие привычки садиться поближе к режиссеру, вызвавшему участников спектакля ради замечаний, расселись по всему залу поодиночке и по двое. Чем меньше роль – тем дальше от режиссера предпочитали держаться артисты, таким образом выражая свое фе. Ну а те, кому повезло играть большую роль, предпочли первые ряды в партере, включая Сашу, которая тут же получила штрафные очки от помрежа Люси:

– Две минуты! Боярова, ты опоздала на две минуты!

К счастью, Геннадий Петрович (большой любитель дисциплины, только ему не удавалось ее наладить) не рассердился, он держал исписанные его рукой листы, уткнувшись в них близорукими глазами.

В своих бархатных юбках Саша еле втиснулась в стандартное кресло рядом с актером Октавием Михайловичем, он один из немногих принял ее, что называется, с распростертыми объятиями. Крепкий старик, его облагораживали седые усы чистого белого цвета, как и белые волосы, зачесанные назад, он располагал с первой минуты знакомства. Есть редкая порода людей, имеющих способность нравиться сразу и всем, этот старик именно такой. Даже голос Октавия Михайловича завораживал слух бархатистостью, легкими раскатами и проникающей в самое сердце искренностью. Между ними установились теплые отношения, не зная родного отца Саша полагала, что таким отец и должен быть – добрым, умным, заботливым и терпимым. Октавий Михайлович взял ее руку и приложился к пальцам девушки губами, хитро улыбаясь:

– Сашуленька, рад тебя видеть.

– Я тоже, Октавий Михайлович, – чмокнула его в щеку она.

– Сашуля, держи конфетку.

– Ой, спасибо!

Оба вынуждены были прекратить перешептывания, так как услышали тихий, но гневный голос Геннадия Петровича:

– И где же эта королевская морда шляется?

Он грозно хмурился, опираясь спиной и руками о сцену, а на сцене, стоя на коленках и склонившись к нему, беззвучно шевелила губами Люся, воровато поглядывая в зрительный зал.

– Кляузничает Буратино, – шепнул Саше на ухо Октавий Михайлович, снисходительно хихикнув.

– Почему Буратино? – не поняла она, не находя сходства Люси с известным персонажем.

– Потому что это тот чурбак, из которого папа Карло должен выточить куклу.

Сходство с чурбаком стопроцентное во всех смыслах, потому Саша прыснула, тут же ее осадил грозный оклик Пинг-Понга:

– Александра!

– Больше не буду!

В знак обещания она прикрыла обеими руками рот, но Октавий Михайлович не унимался, еще разок приблизил губы к ее уху:

– Анфиска опаздывает. Дрыхнет где-то... может, даже в театре.

– Лишь бы не напилась, – также шепотом сказала Саша. – Очень хочется, чтобы состоялась завтрашняя премьера.

– Вчера точно напилась, или я не я буду, – убил надежду Октавий Михайлович. – Не кисни, Сашенька, крокодил Гена найдет выход, может, даже сам выйдет в роли Елизаветы. А что? Наденет наряд, нацепит парик – и вуаля!

Он же и хихикнул, его часто смешили собственные шутки, а Саше не до смеха, стоило подумать о грядущем срыве премьеры. Столько работать, ждать главного дня, и вдруг – все усилия коту под хвост из-за какой-то пьяницы? Да и вообще, проблемы будут у всего коллектива серьезнейшие, если сорвется завтрашний грандиозный вечер.

– Так! – грозно и громко произнес Геннадий Петрович.

В зрительном зале напряглись, напряжение возникло мгновенно, его все ощутили, потому замерли в безмолвии, ибо сейчас что-то будет.

Кошачьей походкой вошел через боковую дверь Пуншин – очередной режиссер, кое с кем (кто попал в его поле зрения) беззвучно поздоровался и уселся у входа, потирая остренькую и реденькую бородашку.

– Моему терпению пришел конец... – процедил главреж.

– Я тут! – внезапно разрядил обстановку женский голос, и все, кто сидел близко к сцене, обернулись.

По проходу шла Оленева в королевском наряде, но без парика – родные каштановые волосы кое-как заколола, без грима, ей, кстати, плевать, как она выглядит. Однако! Да, выпивоха, да, сорок три, да, грубовата и немножко цинична, а когда пьет – так еще и жуткая неряха, но! Актриса Оленева действительно поцелована богом, равной не найти даже в столичных театрах, так это не все. Внешность Анфисы богатая в прямом смысле: помимо роскошных волнистых волос до пояса, у нее красивейшие светло-карие глаза, слегка удлиненные и, что немало важно, умные. Да, она далеко не дура, во всяком случае, начитанная, что для актерской касты скорее исключение из общего правила. Брови, как у чайки крылья, тоненький и прямой носик (завидный носик), а губы... до сих пор упругие, выпуклые, по-детски капризные. При этом все описания совпадут с воображением, а не так, как в Сашином варианте – внешность желательно не описывать словами, лучше фотку показать.

– Почему без грима? – строго спросил Геннадий Петрович, когда ее величество плюхнулось на сиденье напротив него.

– А! – коротко бросила она, взмахнув кистью руки, и на одной невыразительной ноте пробубнила: – Зачем мне грим? Я смотрела в тырнете картинки, Лизавета Первая была страшненькая. Если я загримируюсь, забью нашу Машку Стюарт неземной красотой, как мамонта.

Здорово оправдала неготовность к генеральному прогону, в зале кое-кто хохотнул, да и Саша подавила нервный смешок. Между тем Геннадий Петрович, скрестивший на груди руки, подался корпусом вперед, слегка наклонился к ней, словно намеревался поцеловать даму сердца... Оленева правильно поняла его порыв и, нисколько не смущаясь участников спектакля, вытянула губы трубочкой, громко и длинно выдохнула ему в лицо, потом сообщила, чтобы он (и все-все) не сомневался:

– Как стекло!

Геннадий Петрович глубоко вдохнул и сразу выдохнул, видно, избавлялся от бури внутри, взял исписанные листы и начал делать замечания, будто ничего не произошло. Оленевой пришлось начальством абсолютно все, именно этот факт не прощали ей коллеги. Вот уж кто независим – так это она, а независимых не любят люди слабые.

Наконец была дана команда начинать. Саша уже не пошла в гримерку, сразу примчалась на сцену и села в кресло у кулисы, чтобы послушать, как всегда, начало спектакля, звуковые вибрации, тональность. Да вдруг обнаружила в руке конфетку, которую дал Окташа – так его тоже называли.

– Черт...

Бежать в гримерку аж на второй этаж, потом назад? Собьется дыхание, рассеется внимание. Саша не ест сладкое перед спектаклем, считая, что у нее изменяется голос, однако сейчас ничего более разумного не пришло на ум, как сунуть конфету в рот. Не оставлять же прямо здесь, за кулисами, – Окташа увидит и обидится, уж кого-кого, а его обижать грешно.

Конфетка оказалась вкусная... вот только фантик куда деть? У второй кулисы (напротив) стояла огромная британская ваза в форме кубка с искусственными растениями. Такие ставили и, наверное, ставят до сих пор в парках Англии, в спектакле она обозначает владения королевы Елизаветы. Саша решила положить туда фантик, не навсегда, ни-ни, после своей картины обязательно заберет и выбросит в урну. Она приподнялась, потянулась к вазе...

Внезапно сзади раздался ужасающе громкий металлический грохот!

Потом треск дерева!

Почти одновременно с грохотом, а может, секундой раньше, Сашу кто-то схватил и дернул на себя, она буквально упала Иннокентию в руки.

Еще ничего не понимая, оглянулась и... похолодела! Закричать Саша не смогла – от ужаса голос застрял где-то на полпути к горлу.

На кресле, где только что она сидела, лежал софит. Эта железяка весит достаточно, чтобы убить наповал, – размером она с хороший квадратный короб примерно пятьдесят на пятьдесят сантиметров, внутри которого здоровенная лампа, а перед ней стекло, которое закрывают цветными фильтрами... И еще раз промелькнуло в голове: упади такая хреновина на голову – никакая реанимация не поможет.

Через несколько секунд после падения софита ножки кресла подломились, отсоединилась спинка – это же бутафория. И окончательный аккорд: софит соскользнул с бархатного сиденья, с грохотом брякнулся на пол, после чего взорвалась лампа. Звук был именно такой: взрыв – и осколки посыпались.

– Стоп!!! – заорал главреж в зале. – Стоп! Свет в зал! В чем дело? Что за грохот за кулисами? Что у вас там грохнулось?

– Софит упал! – крикнул кто-то из актеров.

У Саши реально подкосились ноги, да ведь у самого стойкого человека наступит столбняк, после чего ослабнут все мышцы разом, когда придет осознание, что всего пара секунд

отделили от смерти. Пока Саша приходила в себя, Иннокентий, все еще прижимая к себе актрису в полубомбочном состоянии, тихо, будто диалог вел сам с собой, произнес:

– Какого черта грохнулся фонарь? Этого не должно было случиться.

Он запрыкнул голову и смотрел вверх, что-то там высматривая...

2

На следующий день утренний прогон Геннадий Петрович отменил, точнее, утром он решил сделать техническую репетицию – отработать смену декораций, выверить и окончательно выставить световую партитуру без артистов. Участникам спектакля дал возможность отдохнуть перед премьерой после напряженной работы. Кроме Оленевой. Ей отдыхать – еще чего! Отдых вреден для ее здоровья. Главреж пригласил актрису к часу дня, надеясь к этому времени управиться.

И – о чудо! – Анфиса явилась минута в минуту, не снимая демисезонного пальто абрикосового цвета, даже не размотав вязаный шарф, плотно обвивавший шею, ленивой походкой прошествовала к Геннадию Петровичу. Остановилась за его спиной, поставив одну руку на бедро, второй опираясь о спинку кресла, кашлянула, мол, я пришла, что дальше?

Геннадий Петрович натура увлекающаяся, он может начать репетицию, закончить ему чрезвычайно трудно, над ним просто витал незримый девиз: нет предела совершенству! А какие еще могут быть интересы в местечке, сохранившем все признаки консерватизма, куда мало кто заезжает по собственной воле? Работа – это любовь, жена, привычка, наркотик.

Анфису он сначала почувствовал затылком, ее-то приближение Геннадий Петрович узнает даже во сне, как-никак она играла почти во всех его спектаклях на протяжении многих лет. Оба прекрасно понимали друг друга с полуслова и полувзгляда, а в труппе периодически мыли им кости, приписывая мыслимые и немыслимые грехи. Но люди они одинокие – так в чем проблема, какая разница, спят эти двое или бодрствуют, всего лишь платонически глядя в глаза друг другу?

Будто невзначай повернув голову, Геннадий Петрович увидел Анфису краем глаза, махнул кистью руки несколько раз, дескать, падай в кресло и жди, что она и сделала. Когда ей надоело ждать, она зевнула громко и протяжно.

– Я щас! – огрызнулся через плечо он, прекрасно понимая, что хотела сказать Анфиса дурацким зевком.

– А я ничего, – проямлила она. – Я просто... от скуки.

Анфиса вытянула ноги, смежила веки, решив подремать, но через десять минут Геннадий Петрович тронул ее за плечо и велел идти в кабинет. Она шагала за ним на высоких каблуках и ухмылялась, полагая, что главрежа накрыл очередной приступ воспитателя, у него же мания всем вдалбливать, что хорошо, а что плохо. Впрочем, это довольно легко пережить, Анфиса приготовилась зевать, но он и тут повел себя непредсказуемо, едва вошли в его кабинет:

– Подожди, я оденусь.

– Ты куда-то собираешься? – осведомилась она, дивясь причудам: вызвал типа поговорить и засобирался – нормально?

– Ты тоже, – бросил он, наматывая шарф на шею, которой у него нет. Шея, конечно, была где-то в юности, а с возрастом куда-то подевалась.

– Я? – в недоумении подняла плечи Анфиса, потом хмыкнула. – А куда я собираюсь, а?

– Мы идем обедать. В кабак.

– Ух ты, блин, – ухмыльнулась она, подозрительно прищутив лисьи глаза. – Короче, ты меня приглашаешь... чтобы заслуженная артистка Мухосранска не нажралась перед очередным шедевром?

Он успел натянуть куртку на одну руку, однако после ее фразы выбросил вперед эту руку с болтавшейся на ней курткой и гневно рявкнул:

– Именно! Чтоб не нажралась как свинья! И не хрюкала на бутафорском троне, а достойно играла роль, как ты умеешь!

Анфиса поняла, что начинается лекция и это надолго, села на стул у стены, достала сигарету и мяла ее, не решаясь язвить. М-да, в моменты накала Геннадий Петрович страшен аки зверь, его лучше не дразнить.

– Ты знаешь, в каком мы положении, мы выживаем! – тем временем метался по кабинету главреж с болтавшейся на одном плече курткой. – Каждым спектаклем мы обязаны доказывать, что нужны городу! Должны заставить зрителей любить нас, уважать...

Наконец-то он напялил куртку и плюхнулся на стул рядом с Анфисой, а через небольшую паузу, отдышавшись, сказал уже упавшим голосом:

– Иначе нас просто закроют. И мы потеряем все...

– А что – все? – с горечью хмыкнула Анфиса. – Мы тут пашем, как... волю в поле, а о нас никто не знает, мы никому не интересны.

– Тебе это так важно? Моя дорогая, театр нужен нам. Нам! А не мы ему. Если нас разгонят, больше ста человек зависнут в воздухе, в том числе и ты. А тебе до пенсии – как до Москвы пешком на хромой ноге. И что значит пенсия для актрисы в пятьдесят пять лет? Это без кислорода остаться, это... конец жизни. Но ты бухаешь, как последняя дура.

– Потому что ты меня опустил ниже плинтуса. – Нет, до скандала она не докатилась, сказала вялым тоном, в атаку пошел он:

– Я? Чем, радость моя?!

– Все думали, что обеих королев буду играть я!

Геннадий Петрович ошалело произнес:

– Приятно, что наш серпентарий всем составом участвует в распределении ролей, но спектакль, вообще-то, ставлю я. Неужели никто этого не заметил? К тому же, милая моя, Мария и Елизавета – это разные характеры, разные трагедии, это две разные роли...

– А Доронина играла обе...

– Спектакль ставлю я! – повторил он, повысив тон, что не возымело должного действия на Анфису:

– Ай, перестань разыгрывать Ивана Грозного, тебя все равно никто не боится. Ты же видишь, что девочка не справляется.

– Девочка справляется отлично! – возразил Геннадий Петрович.

– Завалил ее ролями, которые ей играть рано, опыта нет, – монологом говорила она. – Для тебя как будто никого другого не существует, это оскорбляет труппу, настраивает против тебя. Если б я не знала твою персону столько лет, подумала, что у тебя крышу снесло от бэзумной и стрррастной любви, но я – не вся труппа. Это сборище мартышек патологически не выносит тех, кто хоть чуть-чуть лучше.

Геннадий Петрович обалдел. Откуда берется гниль в людях? Он кладет все свои силы, чтобы сохранить целиком всю банду мартышек, как окрестила труппу Анфиса, не дает директору никого уволить, а они, неблагодарные, норовят очернить его! Причем отсутствие совести ничуть не беспокоит господ артистов, смена убеждений тоже: вчера они смотрели на тебя как на бога, а сегодня готовы распять – классика жанра. Иногда Геннадию Петровичу хочется все кинуть к черту и уехать подальше, но... это проходит, потому что он жалеет идиотов.

– Чего расселась? – подхватился. – Я ж сказал: кабак.

– А кто платит? – поднялась она вслед за ним.

– Обижаешь, – буркнул главреж, напяливая на голову кепку.

– И ты, конечно, не нальешь.

– Налью. – Не ожидая положительного ответа, она недоверчиво вытаращила глаза, и да, Геннадий Петрович остался верен себе: – Там такой классный сбитьень готовят... по старинным рецептам Петровской эпохи. Идем, идем, есть кое-что, о чем поговорить нужно без ушей.

Ха-ха! А уши тут как тут! Уши дежурили около кабинета, а должны были бы кормить мужа обедом, уложить его отдохнуть перед премьерой и отгонять осенних мух (если таковые остались), чтоб не тревожили упитанные тела. Конечно, Люсю не застукали в позе слушателя, припавшего всей плотью к двери, как часто показывают в кино, но не составило труда догадаться: подслушивала мерзавка. Она невинно захлопала лживыми глазами и залопотала преданнейшей интонацией (когда он слышал эти сладкие рулады, ему хотелось придушить ее):

– Хорошо, что я вас застала, Геннадий Петрович, у нас опять ЧП...

– Что, второй софит все же свалился кому-то на голову?

Привыкший к подобного рода «сюрпризам» у дверей своего кабинета, он даже бровью не повел, обращать внимание на всех большеухих и большеглазых, которым жизненно необходимо знать все обо всех, – нервных клеток не хватит. Зато Анфиса просто залюбовалась помрежем, улыбаясь с намеком, мол, не придуривайся, дорогуша, мы все видели, ты здесь не из-за ЧП. Люся поняла, что Оленева способна произнести вслух то, о чем думала (с нее станет), и затарахтела, оправдываясь:

– Вам все шуточки, а я теперь не знаю, как вести спектакль. Второй осветитель разругался с Яном и ушел, сказал, что вообще уходит... насовсем. Он не придет! А третий осветитель не знает спектакля, и это в день премьеры!

Тем временем главреж запер дверь на два поворота ключа, подергал за ручку, чтоб уж наверняка быть уверенным: в кабинет ни одна сволочь не проскользнет, и спокойно сказал:

– Люсь, не парь мне мозги, Ян сам решит этот вопрос.

Взяв за локоть Анфису, он потянул ее к выходу, но та все же не удержалась, небрежно кинула совет:

– Люсенька, не делай больше долга своего, от этого лицо старится, характер портится, нервы истончаются. До вечера, родная.

По пути к выходу их еще догнал бутафор и показал ордена времен Елизаветы I, которые главреж регулярно заставлял переделывать. Получив одобрение, удовлетворенный бутафор отправился к себе, а Геннадий Петрович с Анфисой вышли наконец-то на улицу.

Ммм... какой денек! Рыжее солнце шалило, игриво отражаясь в окнах и витринах, сверкая на полировке автомобилей, окрашивая тротуары, которые стали похожи на спрессованный песчаник. И люди бодро шагали, чувствуя прилив сил, ведь осенью погожие деньки редкость, они несказанно радуют. И это в Сибири, когда давно должен скрипеть под ногами снег!

– Знаешь, как называется наш театр? – неожиданно спросил Геннадий Петрович по дороге к ресторану.

– И как? – равнодушно осведомилась Анфиса.

– Театр МУК.

– Как, как, как?!

– Театр Мук. Это аббревиатура, а полностью – Муниципальное Учреждение Культуры. Сокращенно – МУК.

– Ха-ха-ха-ха... – закатилась Анфиса. – Как вы яхту назовете, так и промучаетесь. И какой идиот назвал театр учреждением?

– Чиновничьи перлы, – устало отмахнулся главреж и вдруг ошарашил: – Помнишь, вчера софит упал?

– Ну?

– Кто-то вытащил болты...

– Погоди, погоди, – замедлила шаг Анфиса, взяв его за плечо. – Вытащили болты? Поэтому упал софит? Надеюсь, не специально... вытащили?

Последний вопрос совершенно глупый, вытащить болты «не специально» невозможно априори. Но что он мог ответить? Ничего. Потому что не знал наверняка, диверсия это или они все же сами открутились. Например: Ян давно не проверял крайний софит, подававший свет из-за кулис, болты разболтались, крепежи ослабли... Впрочем, сказано было «кто-то вытащил». Сказано самим Яном – зав осветительным цехом и одновременно художником по свету. Вчера они с осветителями проторчали в театре допоздна, выясняя, чего это вдруг свалился софит, так и установил Ян: диверсия. А поскольку до главрежа никак не доходило, что вверенном ему театре завелся диверсант, зав осветительным цехом пояснил:

– Кто-то открутил болты с гайками, крепежи, на которых держался софит, ослабли, ну и... он упал. Я искал болты на сцене, но не нашел. Если б они сами выпали, что исключено, но допустим – сами, в этом случае должны были упасть на сцену. А их нигде не было. Мы с ребятами каждый сантиметр ладонями ощупали, болты не иголки, тем не менее ни одного не нашли. Отсюда вывод: их открутили и забрали... да, забрали и унесли! Наверху их тоже нигде нет.

Не доверять Яну причин не имелось. Ни одной. Он обосновался в театре одновременно с Геннадием Петровичем, человек ответственный и надежный, выставляет свет в спектаклях мастерски, придумывает всяческие фишки, короче, творческая натура. К тому же – зачем ему диверсия? При всем при том сухощавый интеллигент Ян Адамович с виноватым видом протирал очки платком, ссутулившись больше обычного, будто хотел съежиться в клубок, спрятавшись от дурацкой проблемы, которой не мог дать объяснение. Он обиженно поджал тонкие губы и хмурился, ведь удар нанесен прежде всего по его репутации.

– Но это не все, – сказал Ян. – Есть более серьезное доказательство диверсии: кабель в месте соединения с софитом срезан. Грубо, рвано срезан, это любой специалист определит. Удивляюсь, как вообще не замкнуло электричество! Не знаю, кто напакостил, но именно напакостил. Сознательно! В общем, Гена, за своих ребят я ручаюсь, за себя тоже... И не знаю, что за тварь это сделала.

А уж как озадачился главреж – не передать, в эту латынь разве можно поверить? Нет, серьезно, случайный человек такой трюк устроить не мог. Надо хорошо знать устройство данного «учреждения», чтобы забраться аж на колосники, оттуда выйти на специальные мостики, тоже из железа, – оно же крепкое, выдержит любой вес. О чем это говорит? Злодей работает в театре. Да, да, да – это кто-то из своих. Его встречает Геннадий Петрович каждый день, здороваются с ним, возможно, пожимают руку... а надо бы по морде, по морде... И обязательно кулаком!

Есть еще вариант: штанкет со световой аппаратурой можно опустить, и делай с софитами, что хочешь... опять же, надо знать, как опускается штанкет. Но шуму много – обязательно услышали бы сторожа ночью, а днем... Нет, днем народу полно в театре, а гадкие дела делаются тайком, для этого подходит только ночь. Главреж воображал, как злоумышленник карабкается по железной вертикальной лестнице, прикрепленной к порталу... это страшно. Очень страшно, потому что высоко – жуть берет, когда вверх смотришь, а стоять на перекладинах и видеть далеко внизу сцену... не у каждого хватит храбрости. Итак, некий мерзавец, который работает в театре, пробрался тайком наверх и...

– Не понимаю, зачем? – только и вымолвил вчера поздно вечером Геннадий Петрович после того, как осветители обследовали все на колосниках и сцену, чтобы выяснить причины падения софита. Днем не успели понять, не поняли ни черта и вечером.

– Зачем открутили? – переспросил Ян Адамович. – Ну, из хулиганских побуждений... чтобы упал софит.

– Чтобы упал? – обалдел Геннадий Петрович, он никак не мог понять цели диверсанта. – Зачем?!

– Да что ты меня пытаешь! – взорвался всегда спокойный Ян. – Заладил: зачем да зачем! Не знаю! Не понимаю! Никого не подозреваю! Идиотизм какой-то. По большому счету, нужно полицию вызвать.

– Только не это! – взвизгнул главреж, замахав руками, хотя понимал, что Ян прав: от софита дурно пахло.

– Сам не хочу, – признался Ян. – Кто будет виноват? Я. Я же отвечаю за аппаратуру.

А скандал?! Нет-нет, только не это. Решено было усилить контроль за безопасностью и понаблюдать за всеми сообща... Ну, типа пошпионить.

Ресторан был пуст. От слова «совсем». Маленький ресторан с круглыми столиками на две-четыре персоны, отделанный в желто-коричневых тонах, находился недалеко от театра, но артисты на обед сюда не бегали – зарплата не позволяет. А Геннадий Петрович захаживал иногда, здесь он не боялся открыто говорить о проблеме, потому что подслушивать некому да и незачем.

Надо сказать, история странная, если не хуже, даже Анфиса поначалу растерялась и молчала с минуту, выслушав, что именно беспокоило Гену. Но вот она налила в стакан минеральной воды, правда, прежде чем выпить хотя бы глоток, задумчиво сказала:

– И я не понимаю, кому понадобилось и зачем? Какая-то тупая выходка... а если шутка, то слишком злая. Софит мог упасть на голову любому из нас.

– До падения там сидела Боярова... в кресле сидела... Его ставят у второй кулисы, чтобы при смене картины сразу вынести на точку.

– Я помню, где оно стоит.

– Саша поднялась, и тут грохнулась эта бандура. Прямо в кресло.

– Жуть какая! – передернула плечами Анфиса. – Ее могло попросту убить. Но открутить болты специально, перерезать кабель, чтобы софит уж точно упал... нет, Гена, это невозможно, никто не мог... нет! И цель – какая? Кто-то хотел сорвать премьеру? Тогда выбор времени странный – почему за день до премьеры, а не на премьере? Кстати, ты-то что думаешь? Только честно.

Он сначала тоже выпил водички. У творческих людей интуиция развита, как у змей чутье перед землетрясением, Геннадий Петрович чувал: что-то тут не то, какая-то гнусная интрига, и ему показалось, он догадывается, откуда ветер дует:

– Либо по заказу городской администрации провоцируют крупный скандал, так сказать, создают повод, чтобы закрыть нас, ну, или хотя бы урезать до минимума финансирование.

– Ге-ена... – протянула Анфиса, давая понять уже интонацией, что его предположение глупое. – Нашим чинушам повод не нужен, им бояться некого, а высокому начальству на нас вообще начхать, оно не видит тех, кто внизу. И потом, дорогой, финансирование идет из центра, а не из городской казны. Остается второе «либо».

– Что? – не понял он.

– Ну, ты сказал: либо по заказу администрации софит упал, либо... что?

– А, – вспомнил, наливая себе второй раз воды. – Не знаю. Представляешь? Не-зна-ю!

Анфиса подумала и нашла самое удобоваримое объяснение:

– А разве не могли эти болты сами расшататься и выпасть, а кабель оборваться под тяжестью?

– Одновременно все? Не могли.

– Ты так категоричен, а если...

– Исключено, – перебил Геннадий Петрович. – Ян, поверь, разбирается лучше всякой экспертизы в софитах, креплениях и... так далее. Мы решили не вызывать полицию, только я теперь думаю, зря не вызвали. У меня к тебе просьба или... нет, приказ. Прекрати кусать Боярову...

– Я всех кусаю, не люблю нашего брата...

– Помолчи. А то мало ли, вдруг кому-то в голову взбредет подлая мысль, что ты и сбросила на нее софит? Твой язык – твой первейший враг.

От возмущения Анфиса хватала ртом воздух, словно умирающая золотая рыбка на песке у ног браконьера. Однако шок проходит, какой бы силы он ни был, а первейшая актриса по характеру женщина крепкая, она выдержала испытание даже медными трубами! Потому опомнилась быстро и взяла в руки меню.

– Так... – сказала Анфиса, глядя на строчки и цены. – Нанесем максимальный материальный ущерб нашему главному режиссеру...

Это была пауза, чтобы окончательно укротить гнев, пауза, чтобы мгновенно обдумать ситуацию и сделать выводы, а намек главрежа такой топорный, что заслуживал Гена самой страшной кары. Неожиданно Анфиса подалась через столик к нему корпусом и угрожающе процедила:

– Гена, запомни: чтоб я больше никогда не слышала тех слов, которые ты произнес последними, понял? Ты на что намекаешь? Что у какого-то идиота может возникнуть мысль, будто я покушалась на Боярову? А как, интересно, я могла сбросить на нее софит, не находясь на колосниках, а? Я пришла в театр последней, а когда начался прогон, Дина надевала мне парик. Ну, согласись: чтобы попасть точно на Боярову, нужно стоять на колосниках, у нас аппаратура не управляется дистанционно. Я знаю, что ты так не думаешь, но слова... они имеют свойство отпечатываться в мозгах недоумков и трансформироваться в неоспоримую теорию. Больше не зли меня, ладно?

– Понял, – кивнул он, вздохнув. – Ты выбрала?

– Да, – откинулась Анфиса на спинку кресла. – Мясо. Самое дорогое. Я голодная.

* * *

Сегодня не только премьера, сегодня еще и открытие сезона – двойной праздник. Как обычно, Саша пришла в театр за полтора часа, переделась в халатик и села гримироваться, но делала все автоматически, собственно, любая актриса нарисует лицо с закрытыми глазами, дело не в этом.

Вчерашняя утренняя репетиция прошла на автопилоте, то есть плохо, и неудивительно после того, как упал софит с точностью в кресло, в котором сидела несколько секунд назад Саша. Разумеется, режиссер и все, кто был в это время в театре, включая директора, прибежали за кулисы, стоял дикий ор – как, почему, кто недоглядел?! Бедняга Ян Адамович клялся и божился, что не понимает, почему грохнулся софит. Тут же он залез по лестнице, расположенной у портала, на колосники и оттуда бросал фразы: мол, перед каждой премьерой устраивает профилактику, два дня назад проверял лично каждый болт, все было в порядке...

Тем не менее! Софит упал? Упал! И нет никаких оправданий никому. Когда Саша бросала взгляд на покалеченное кресло, невольно ежилась, ведь, не будь у нее конфеты, осталась бы она сидеть в кресле до последнего...

Сегодня страх вошел вместе с ней в гримерку, сел рядом и наблюдал за молодой актрисой. Конечно, это образно говоря, однако она почти физически ощущала наличие зловещей субстанции, обещавшей своим присутствием большие сложности, неприятности, нечто плохое.

– Можно? – вдруг услышала.

– Да?

Нет, Саша вовсе не хотела сейчас разговаривать с кем бы то ни было, «да» вырвалось нечаянно и обозначало скорее «кто там?». Но поздно говорить другие слова, потому что вошел Иннокентий – Инок. Вчера после вечерней генеральной репетиции он вызвался подвезти ее к дому, по дороге оба молчали. К счастью, с его стороны ни намека не было на ухаживания,

иначе она прекратила бы с ним всяческое общение. Именно он заметил падающий софит и не дал ей вернуться в кресло, фактически спас от смерти. Поэтому сегодня из благодарности Саша не стала просить Инока дать ей возможность собраться перед спектаклем, говоря по-простому, выйти вон. Он тем временем взял стул, оседлал его и завесил паузу.

– Что-то еще случилось? – спросила она, подкрашивая глаза.

– Нет, как будто...

– Ты говоришь неуверенно.

– Слушай, Саша, я там нарисовал на половике черточки синим мелом, мысленно проводи линии от кулисы до кулисы. На эти линии становиться нельзя, ты либо впереди стань, либо за... Ничего ведь не случится, если ты на шаг поменяешь местоположение?

– Ты хотел сказать, немножко изменю мизансцену?

Интересно! Саша не поняла, что это за самодеятельность с мелом, поэтому развернулась к Иноку... Нет, на его лице не прочла ничего, что могло бы разъяснить инициативу, пришлось приступить к принуждению к правде:

– Ты что-то знаешь и мне не говоришь.

– Я не знаю, а только предполагаю – это разные вещи.

– Хорошо, валяй предположения.

– Короче, так. Играй свой спектакль, праздной премьеру, потом я тебя отвезу домой и выложу свои предположения. А сейчас... помни о черточках, и все будет о'кей. Ну, удачи тебе.

И вышел. Ничего себе! Саша и так боится выходить на сцену после падения софита, а теперь должна, соблюдая режиссерские мизансцены, не наступать на какие-то там невидимые линии, которые обозначены черточками? Что это значит? На нее еще что-то должно свалиться? Она думала об этом до самого выхода, пока по трансляции не услышала:

– Внимание, тишина за кулисами. Всем приготовиться к началу спектакля. Слава, убирай свет из зала... Потихоньку! Сколько раз говорить!.. Высвети авансцену!.. Дай на авансцену яркий свет, это световая реплика для гостей, они туда выйдут!.. Еще немножко подбавь... Спасибо, дорогой, так и оставь.

Саша неспешно шла к сцене, сейчас будут длинные поздравительные речи от администрации города, от каких-нибудь организаций. И конечно, директор расскажет о грандиозных планах неграндиозного театра, тем не менее, единственной отдушины в этом городе как для артистов, так и для жителей.

У кулисы стояло реставрированное бутафорами кресло, увидев его, душа Сашки сжалась, а сама она перестала дышать. Боже, если б не дурацкая конфета, софит убил бы ее! Нет, туда она больше не сядет – факт.

– Сашуля, как настроение? – Рядом с ней очутился Октавий Михайлович, а его выход с другой стороны кулис. – Я пришел тебя ободрить.

– Октавий Михайлович, вчера вы спасли мне жизнь.

Она не могла не обнять его, а он растерялся и растрогался:

– Что-то не припомню такого эпизода...

– Вы дали мне конфету, я ее съела вон в том кресле, а фантик решила бросить в тот вазон. Но не дотянулась, поэтому встала, а тут софит...

– Да что ты! – изумленно поднял седые брови Октавий Михайлович. – Это только доказывает, что в жизни ничего не бывает случайного. Не судьба тебе, Сашка, отправиться в мир иной, значит, девочка моя, ничего не бойся в жизни. Ну, я пошел... Да, Сашуля! Когда буду вставать с колен, ты опусти руку вдоль тела, я незаметно обопрусь о нее. Радикулит сегодня смущает, не дай бог на сцене вступит... Лады?

– Конечно, мой спаситель.

Ему семьдесят, держится отлично, несмотря ни на что. Окташа вообще не склонен культивировать в себе недуги и жаловаться на них каждому встречному, он везде и во всем ищет позитив и, самое смешное, находит.

Всю торжественную часть она настраивалась на роль. А смотрела на черточки, они почти незаметны на черном покрытии, во всяком случае, из зала их не видно, но это своеобразные маячки, расставленные по всей сцене. Пожалуй, впервые в жизни Саша подняла глаза вверх...

Кровь застыла в жилах, это верное ощущение, расписанное в литературе классиками на все лады, но читать – не на себе испытать. Особенно чувствуешь стоячую и холодеющую кровь, когда видишь над головой тонны железа, тонны! Штанкетные трубы, на которые цепляют декорации с кулисами, задниками и прочим сценическим оснащением. Софиты – отдельная песня, они висят рядами, а в рядах группы по два-пять софитов, ну и отдельные фонари, как тот, что упал. Театр старый, устроено здесь все по старинке, с советских времен – никакой модернизации, ведь новшества стоят денег, причем больших, а их, дай бог, чтоб хватило на новую постановку и зарплату. Все это хозяйство разноцветно сверкает сверху, обливая световым калейдоскопом сцену, но это тонны... тонны железа.

Ни один артист, выходя на сцену, не думает о том, что висит над ним, а Саша подумала. Впервые. И под кожей пробежал страх, так быстро пробежал, словно живой: с пальцев рук и ног он поднялся вверх и сдавил виски, горло. С трудом актриса вышла на сцену, а когда вышла, с первой репликой забылась и играла в полную силу, но... как последний раз. Словно вот-вот свалится на нее многотонная конструкция и раздавит, а Саша не успеет ни роль доиграть, ни жизнь свою прожить – ничего не успеет...

3

Море цветов... Аплодисменты... Крики «браво!»... И улыбки, улыбки... Потом небольшой фуршет с шампанским, многообразием бутербродов и сладостей – замечательная традиция отмечать премьеру. Оленева, конечно, втихая водку хлестала, а завтра опять этот же спектакль, в воскресенье тоже – три премьеры подряд. Голова кружилась от комплиментов, ведь на мини-банкет приглашены и гости, они не скупилась на похвалы. Саша забыла про чертов софит, свой страх и синенькие черточки на сцене, она даже в упор не видела Инока, обещавшего отвезти ее домой. По старой традиции, которая сейчас утрачена в подавляющем большинстве театров, на банкет приглашались все работники, монтировщики в том числе, они же непосредственные участники.

Но всему приходит конец, а хорошим мгновениям – слишком быстро. Саша оделась, собрала букеты и вышла во двор театра, вдохнула холодный воздух...

– Ну, ты и копуша, – встретил ее Инок.

– Ой! – испугалась и одновременно смутилась она. – Извини, я...

– Забыла, – подсказал Инок, усмехаясь. – Ладно, не расшаркивайся, поехали, а то я спать хочу.

– Слушай, мне неловко... и потом... не люблю чувствовать себя обязанной...

– А я не люблю ваши актерские бла-бла-бла. Поехали.

Забрав букеты, этот не очень вежливый, даже немножко грубоватый молодой человек зашагал к выходу с театрального подворья, ей пришлось плестись за ним. Только в машине Саша почувствовала усталость и приготовилась чуточку расслабиться, однако Инок (дурацкая кличка, которая ему, кажется, очень нравилась), выехав с парковки, не позволил и этого:

– Ну, рассказывай.

– Не поняла, – встрепелась она. – Что рассказывать?

– Как докатилась до жизни такой. Извини, шучу. Но мне интересно: молодая и красивая артистка, которая училась в Москве, работала там же, вдруг уезжает к черту на кулички... Почему?

– А тебе не приходило в голову...

И внезапно замолчала. То, что едва не слетело с языка, – ложь, а лгать сегодня не хотелось, но и вспоминать прошлое тоже не было охоты. Когда сознательно отрезаешь от себя часть жизни, надеешься туда больше не возвращаться никогда. Но разве кому-то удастся расстаться с прошлым? Тем более когда в нем много черных и белых пятен...

* * *

Разумеется, с детства Саша видела себя актрисой, и не только на подмостках сцены, на экране в первую очередь. О, кино! Настоящее, сильное, способное захватить полностью, унести в страну фантазии, вызвать смех или слезы, красивое кино о человеческих терзаниях манило юную мечтательницу со страшной силой. Саша запоем читала Шекспира и Лопе де Вега, учила монологи из пьес Островского, а ночью, засыпая, уносила в шквал страстей Достоевского, короче, девочка образовывалась.

Первой восстала против карьеры актрисы мама, доводы приводила вполне разумные, мол, связей в богемном мире нет, а без них – никуда; Саша не дочь, не жена, не сестра знаменитого артиста или режиссера, а там другие не ходят! Да и вообще, от слова «богема» на ее замечательном лице появлялось брезгливое выражение. Но мама... о, она исключительная в своем роде: английский, японский, китайский языки – на этот подвиг, извините, среднестатистический человек не способен. Дедушка с бабушкой, конечно же, поддерживали дочь и тоже были против выбора Саши, дед с высоты своего величия (он до сих пор капитан дальнего плавания) фыркал в усы:

– Богема всегда лезла в привилегированный класс, но потолок этой прослойки – горничные и бармены. Включи телевизор и посмотри на них, это же убожества: пьянчужки, развратные, глупые приматы, не могут толково выразить мысль, впрочем, мыслей в их головах не водится. И ты, Сашка, туда же лезешь!

– Дед! Ты серьезно так думаешь? – сопротивлялась внучка. – Негодяи и дураки везде встречаются, это же не повод огульно всех мазать одной краской!

– Ай, – отмахивался тот в своем любимом кресле на даче, отворачивался от единственной внучки и бурчал: – Все одинаковые, все!

Бабуля не была столь категоричной:

– Саша! Среди артистов, разумеется, встречаются и вполне сносные люди, даже умные, но мало. И потом, милая, красота и талант не самое главное в искусстве, дедушка прав: в основной массе это ничтожные люди, из-за ролей способны на все, а ты... ты у нас другая.

Понять их было можно: они всеми способами пытались удержать Сашу дома, где ее любят, всегда позаботятся, защитят. Поэтому и со всех сторон несло: у тебя столько способностей и столько возможностей проявить себя вне театра-кино, не имеет смысла гнаться за призрачными иллюзиями, тем более тратить годы на то, что в девяноста процентах случаев не осуществится.

Но ведь десять процентов остается, это огромный запас вероятности, что удача поджидает Сашу, стоит только сделать первый шаг. Впрочем, если б осталось даже полпроцента, юная и самонадеянная девушка отважилась бы на поездку в Москву, сосредоточившую в себе абсолютно все пути к мечте. Мама сдалась, дед не разговаривал с внучкой и даже не простился перед отъездом, бабушка вздыхала и утирала слезы, давая понять, как она страдает. Наверное, они втайне были уверены, что дочь/внучка, провалившись на вступительных экзаменах, вернется домой и забудет навсегда о глупой затее, только поэтому отпустили.

Настал миг, когда Саша полетела через всю страну завоевывать благосклонность Мельпомены. Надо сказать, если бы никого не нашлось в Москве, кто пустил бы к себе девочку, поездка не состоялась бы, но тут выручила бабушкина подруга, у которой в столице жила двоюродная сестра, тоже бабуля. Изабелла Дмитриевна тосковала по... черт ее знает, чего ей не хватало, но она охотно приютила хорошенькую провинциалку с противоположного конца планеты, радуясь гостю, словно девушка близкая родственница. Зато соседки по площадке запилили старушку:

– Белла, ты с ума сошла. Она тебя обманет! Обворует! Заставит написать завещание и убьет из-за квартиры! Ты разве не смотришь телевизор? Сколько мошенников, внушающих доверие, прикончило стариков...

А говорят, в Москве соседи по площадке даже не знают друг друга! Еще как знают. Но, может быть, это в своем роде исключительный дом? Старая пятиэтажка в центре, жильцы здесь жили с давних пор, вырастив детей и внуков, не удивительно, что все общались, они же срослись с этим домом и друг с другом.

Саша слышала высказывания старых и не очень женщин, боялась, что Изабелла Дмитриевна вежливо попросит ее уйти куда-нибудь, но та оказалась стойкой бабулей. Малюсенькая, худенькая – в чем там душа держится, с живыми глазенками и детской улыбкой, а несибаемая.

И вдруг то, о чем грезил Саша, случилось: она поступила в театральный вуз! Это было... м-да, больше подобного градуса эйфории она не испытывала. Ей казалось, она уже запрыгнула на вершину и теперь останется там навсегда. И второй раз выручила Изабелла Дмитриевна:

– Зачем тебе, Саша, уходить в общежитие? Там не будет покоя, не будет возможности нормально учиться. Смотри, три комнаты! Для меня это слишком много. И фактически центр города! Метро рядом! Если уйдешь, мне будет очень одиноко. Я быстрее дуба дам без живой души рядом. Ты юна и еще не знаешь, что это такое одинокая старость...

* * *

Зато сейчас Саша узнала, что такое одинокая молодость – тоже не кайф, но компенсируется любимым делом, многие и этого не имеют.

– Так что мне должно было прийти в голову?

Саша настолько погрузилась в то чудесное время, когда надежды порхали вокруг нее, как бабочки – разнообразные и красочные, что забыла про Инока. И вдруг: она в машине едет, на коленях лежит сноп из цветов, на улице ночь, Инок крутит руль своего дорогого автомобиля. А бабочки-надежды... их осталось мало-мало, не всегда они показываются, больше прячутся, от этого как-то грустно...

– Почему уехала из Москвы? – наконец произнесла она, вспомнив, о чем шла речь совсем недавно. – Тебя не посещала мысль, что мне хотелось играть? Играть роли, о которых мечтают все-все актеры. И вот теперь я их играю.

– Но ты же снималась в кино...

– Угу. В малюсеньких эпизодах, в которых невозможно раскрыть свои способности. Знаешь, меня утверждали и на главные роли...

– Да ну! – почему-то хихикнул Инок, наверное, не поверил.

– Честно, честно! В сериале. Уже и костюмы начали шить, но... однажды позвонила ассистент режиссера и сообщила, что больше на примерку мне приезжать не нужно, другая актриса будет сниматься. Чья-то там дочка... Так что я ничего не потеряла. Нельзя потерять то, чего никогда не имел.

Было, что терять, было. Но так уж случилось, теперь глупо лить слезы по утраченным иллюзиям, тем более жаловаться на судьбу Иноку.

– А здесь, – продолжила она, – за полтора года я столько сыграла, что иногда думаю: не со мной это. И я... я просто счастлива.

– Понятно, – глуша мотор, сказал Инок, так как подъехал к ее дому. – Подожди, не торопись выходить, хочу в твою бочку счастья бросить ложку дегтя.

Уставшая Саша нехотя захлопнула дверцу, «ложка дегтя», честно говоря, не вдохновила, поэтому лишь после паузы она повернула лицо к Иноку, недоверчиво глядя на него.

– Да, да, – закивал тот. А выражение на физиономии... будто знал про Сашу нечто постыдное! – Мне не хотелось тебя расстраивать, особенно сегодня, в такой день, но... ты же сама просила, чтоб я выложил свои предположения, так?

– А-а-а... – вспомнила она. – Я и забыла. А что, все так серьезно?

– Более чем. Короче, софит упал не случайно: кто-то отвинтил болты, а также отрезал его от кабеля. Это факт, а не предположение. А предположение такое: софит сбросили конкретно на тебя.

– На меня... – повторила Саша, еще не вникая в смысл сказанного. – То есть кто-то хотел, чтобы софит упал мне на голову, мне?!

Иннокентий выпятил нижнюю губу, вот что не предполагал, так это наличие тормоза в голове девушки, которую считал схватывающей на лету. И шутить по этому поводу не было охоты, слишком уж опасная ситуация, как ему виделось. Но Саша и во время паузы не догнала, что к чему, смотрела удивленно, пришлось ему проблему разжевать:

– Ну, вообще-то, в кресле не я сижу каждый раз на первой сцене, причем на всех репетициях. Моя задача вынести кресло и вазон на английские картины, потом занести за кулисы, поэтому я всегда встречаюсь с тобой в этом месте сцены. А ты сидишь там постоянно, понимаешь? С первых репетиций. Заметь: тебе крупно повезло, что я оказался рядом.

– Заметила, – задумчиво произнесла Саша, находясь в своих мыслях. – Хм... мне на голову сбросили... Так получается, меня хотели у... – И вдруг у нее вытянулось лицо. – Убить?!! Да? Сбросили софит, чтобы меня...

Вот оно слово, наиболее подходящее к тому, что произошло, – убить. Отчего же раньше оно не приходило на ум? Да просто Саша убегала от него, потому что слово чуждое и, как ни странно, преследует ее, но об этом необязательно знать Иноку. Однако в театре, где добро и зло, любовь и ненависть, глупость и остроумие находятся в относительном равновесии, ибо это вечные темы постановок, убить человека в реальности... такого быть не может! Потому что... а вот потому! Как же поверить в чью-то злую волю?

– Нет, это... – Саша вяло обвела рукой круг в воздухе, что он означал, она и сама не знала, а больше-то и слов не нашлось.

Она опустила глаза, между ее бровей пролегла глубокая складка, рука нервно мяла бутон цветка. Только сейчас Саша поняла природу своего страха: не только тонны над сценой ее пугали, прежде всего бояться следует тех, кто этими тоннами способен распорядиться. И душа угадала, а также подсказала, что есть кто-то рядом, воплощающий собой абсолютное зло, действующее против Саши.

– Понимаю, – с сочувствием вздохнул Инок. – Тебе не верится, что это произошло с тобой и против тебя. Да, убийство в театре кажется выдумкой, глупостью. В сущности, это хороший сюжет для криминальной драмы, ничего не имеющий с действительностью, ведь артисты на самом деле трусливые и гнилые по натуре, они как бы не способны...

– Не стоит огульно обо всех...

– Ладно, не буду. Но учти, всякий трус не способен на преступление до определенного момента, пока не зацепят его кровные интересы. Вот тут он развернется, и вся дрянь вылезет из его нутра, как дерьмо из общественного сортира, когда туда бросают дрожжи.

– Дрожжи? – рассеянно спросила Саша. – Как это?

– Не знаешь? Рассказываю. Родная тетка моей мамы в начале девяностых решила подзаработать и поехала куда-то на Кавказ за страшным дефицитом – дрожжами. Набрали тетки прессованных дрожжей на какой-то фабрике, приехали на вокзал и ждали поезда. Но ливень

прошел, вода попала в сумки, дрожжи слиплись, обертка размокла... Короче, товару хана, не стоило тащить на себе тяжелые сумки. Тетеньки не нашли ничего лучшего, как выбросить все в общественный сортир. А туалеты тогда были... ну, как на дачах спецдомики, только из камня. Но стояла жара вдобавок. И вот оттуда, из самых недр, полезло наружу дерьмо, оно на дрожжах поднялось, как тесто.

Представив картину во всей туалетной «красе», Саша рассмеялась – вот и разрядилась атмосфера. Ненадолго, правда, минуту спустя она снова повесила нос, но все равно в салоне слегка потеплело, и тон Иннокентия стал мягче:

– Саш, у кого ты тут отняла кусок хлеба с маслом, а?

– Ты настаиваешь, что это было покушение?

– Наверху мелькнул человек, я успел его увидеть...

– Мужчина или женщина? – встрепелась она.

– Не разобрал. Слишком высоко и темно там было, а софиты расположены ниже и прямо в глаза били светом. Я только заметил сверху движение – тень мелькнула... не бесформенная тень, это был человек, а не кошка. Бежать ловить его бессмысленно, с колосников целых три выхода – в карман сцены, на сцену с двух сторон по порталам можно спуститься и на внешнюю пожарную лестницу. По пожарке удобней всего, там тупик, прохожих нет, никто не увидит... разве что из окон многоэтажек... Но они далеко.

И снова пауза. Следовало обдумать услышанное, обдумать и понять, что происходит, откуда пришла опасность и почему. Паузу Инок считал по-своему:

– Значит, ты не знаешь, кого довела до покушения на тебя. А дела минувших дней? У тебя там все было... гладко?

– Как у всех, – резко бросила Саша. – Я пойду, ладно? Все, что ты наговорил, меня пугает... пока я знаю только это.

– Ладно, спокойной ночи.

Саша открыла дверцу, ступила одной ногой на землю... с ее колен посыпались букеты, распадаясь на отдельные стебли с бутонами и противно шурша целлофаном. Среди них не было роз, перевязанных траурной лентой – сегодня она не получила желтого подарка, но и эти упавшие на каменные плиты цветы отдавали похоронным духом, поднимать их не тянуло. Однако мы чаще делаем то, чего делать нам не хочется, вот и Саша кое-как собрала ворох цветов. Прежде чем попрощаться и захлопнуть дверцу, она вдруг озадачилась вслух:

– У тебя шикарная машина, а ты работаешь монтировщиком...

– Ммм... – ухмыльнулся Инок. – Значит, у работяг шикарных тачек быть не может? Странная у вас, деятели культуры, позиция. А если мама с папой купили сыну тачку? А если я заработал честным трудом на эти колеса? А сейчас приехал получать наследство, дело это долгое, от скуки решил поработать хоть кем-то?

– Обиделся? Зря. Я без задней мысли...

Она уже хотела захлопнуть дверцу, но:

– В театре я за тобой присмотрю, а в других местах будь осторожна.

Опять напугал. И странный какой-то этот Инок, интересно, он просто так принимает в ней участие или за его заботой кроется нечто меркантильное?

– Почему тебя волнует моя персона? – задала Саша закономерный вопрос, его давно следовало задать. – Мы едва знакомы, но ты так переживаешь за меня, будто... родной брат.

– Все люди братья, – отделался он тривиальной фразой. – Меня учили папа с мамой не проходить мимо чужой беды. Вот такой хороший человек я, поняла?

– Угу, – буркнула Саша и захлопнула дверцу.

Она не оглянулась, когда взревел мотор, но приостановилась перед калиткой, слыша удаляющийся звук кроссовера. У железного забора стояла узкая скамья, на нее Саша присела и задумалась: кто рискнул покуситься на ее жизнь? Конечно, у нее была жизнь до этого городка,

правда, сложились обстоятельства, когда пришлось обрубить все концы одним махом. Оттуда мог тянуться хвост? Каким образом? Никто-никто не знает, куда она слиняла. Кроме мамы, конечно, еще дедушки и бабушки, а они и под страхом смертной казни никому не скажут. Впрочем, вряд ли к ним кто-либо поедет, чтобы узнать, где находится беглянка, слишком далеко ехать надо – оно того не стоит. А Изабелла Дмитриевна? Именно она устроила Сашу в этот театр через свою подругу-актрису. Хм, Изабеллушка стала родной, а родные не предают. Стоп! Кто сказал, что Сашу непременно ищут? Исчезла и исчезла – этот вариант, судя по всему, многих устраивал. Ладно, допустим, ищут и нашли... чтобы сбросить софит ей на голову? Абсурд!

В кустах раздался шорох! Саша вздрогнула, огляделась. Кошка, наверное, гоняется за мышами, испугала негодяйка. Но сидеть на улице расхотелось, ночи-то холодные и вокруг ни души. Район мало чем отличается от деревни, а может, вообще не отличается, иногда именно здесь, на улице, приходят мысли: что она делает в этой дыре? Правда, Саша быстренько возвращается в норму, и дыра следом кажется лучшим местом в мире, только не сегодня. Сегодня дыра стала не безопасной. К сожалению. Что с этим делать, Саша пока не знала.

Дома было тепло, на кухонном столе стоял ужин, накрытый салфеткой, и цветы в вазе. Милые старики, Саше повезло с ними. Но она даже не приподняла салфетки и не поинтересовалась, что там в тарелках, а напрямик направилась в душ. Вода сняла усталость, подняла настроение, пробудила аппетит. Завернувшись в полотенце, Саша вернулась на кухню. О, котлетки и какой-то сложный гарнир из овощей, а запах... мертвого поднимет. Наколов на вилку котлетку, Саша ела ее без хлеба и гарнира, мимоходом взглянула в окно и... чуть не подавилась, а сердце панически заколотилось в бешеном ритме.

Свет от матовых фонарей, разбросанных по двору и саду, тусклый, рассеянный, но темнота не казалась пугающе беспросветной, она неплохо просматривалась до ограды в глубине. И там, в саду, почти сливаясь с деревьями, стояла фигура. Ее трудно заметить, еще труднее разглядеть, кто же это. Пульсирующий хаос в голове, перемешанный с ужасом, заволок пеленой глаза. Понятно, что за стенами флигеля посторонний, проблема другая: какого черта человек стоит в чужом саду, что ему нужно? И не спросишь. Вдруг это маньяк? Стоит открыть дверь, он ворвется, растерзает... Кстати, человек стоял не спиной, не в профиль, а анфас, значит, смотрел конкретно на флигель. А в окне Саша, как в телевизоре!

Вот когда крошечная кухня бывает подарком, потому что на ватных ногах не удалось бы дойти до выключателя, а здесь – всего лишь стоит протянуть руку. Выключив свет, Саша снова повернулась к окну. Стоит! И вдруг кровь ударила в голову: а закрыла ли она дверь? Саша нащупала нож на столе, судорожно сжимая рукоятку (для самообороны взяла), двинулась на цыпочках к выходу, не подумав, что человек в саду слышать шагов не мог. Дверь, к счастью, она заперла. Но Саша накинула еще и крючок, затем вернулась на кухню, подкралась к окну... человека в саду не было.

Не спала она до самого рассвета, все прислушивалась к малейшим звукам, тайком в окна смотрела и сжимала в руках телефон, чтобы в случае опасности позвонить в полицию.

* * *

А утром сказка, обычная сказка по субботам и воскресеньям для маленьких зрителей, в этом спектакле Саша играла не главную роль, но очень значимую и симпатичную – Злую Колдунью. Так бывает только в театре: вечером королева, утром ведьма. Она едва не опоздала на спектакль, ведь забылась тяжелым сном на рассвете, потому что с дневным светом приходит и кажущаяся безопасность. Еле проснулась, да и то при помощи хозяйки, прибежавшей ее будить.

Разрисовав ярко лицо, приклеив ресницы и блески, Саша переодевалась со скоростью метеора, слыша по трансляции гомон в зале – детки уже на местах. В гримерку пришла Алиса,

это ее главреж вытащил из самодеятельности, она, прошествовав к столику Сашиной соседки, игравшей Добрую Фею, ядовито бросила:

– Из-за тебя задерживают спектакль.

– Извини, так получилось, – сказал в ответ Саша.

– На вечерний спектакль ты приходишь за полтора-два часа, а на утренний опаздываешь.

Выходит, сказка для тебя отстой?

– Вовсе нет, мне нравится роль. Я банально проспала...

Саша не стала рефлексировать на тон гадюки, которой наступили на хвост, хотя бы потому, что не хотела подарить море удовольствия Алисе, когда та узрит раздражение. Раздражаешься – значит, тебя легко достать, а троллей полно не только в социальных сетях интернета, к тому же в жизни тролли – волонтеры, за свои пакости денег не получают. Алиса из породы волонтеров, у нее всегда найдется «доброе» словцо:

– Пить надо меньше.

Это она Саше! Которая вообще не пьет, на банкете только держала бокал и пригубливала – все. Вот что сказать хорошенькой дуре с нутром стервы, чтобы научить элементарным правилам общения и при этом не скатиться в свару? А играет положительную героиню, потому что беленькая, как Снегурочка, синеокая, круглолицая, ну, прям царевна священных вод. И терпение постепенно иссякало, потому как Саша далеко не железная леди, единственное, что ее выручало в подобных случаях, напутствие мамы, о котором она всегда помнила:

– Если тебе хамят и очень хочется ответить, сначала успокойся, поставь эмоции на ноль, так ты освободишь мозг и он подберет выгодный для тебя ответ или манеру поведения. После можешь открывать рот, но не крась фразы интонацией, дай понять, что тебя не задеть злобой. Срабатывает закон сохранения энергии: чужую, злую, ты не взяла, она осталась с хамом, а свою сохранила. Если же подключаешься к отрицательным биотокам, забираешь чужую злую энергию и отдаешь свою, в результате целый день болеешь. По моим наблюдениям, хамит либо дурак, либо враг, к сожалению, оба этих типа явление распространенное.

Саша не всегда следовала маминым правилам, иной раз невозможно сдержаться, тем не менее, когда получалось укротить себя, убеждалась: тактика работает. Сейчас, взглянув на Алису, копавшуюся в сумке, она про себя усмехнулась: на это «счастье», которое кому-то достанется за грехи, не стоит тратить, но и без ответа нельзя оставлять:

– Я, Алиса, человек мирный, но ты преступила границы. В следующий раз, если я что-то подобное услышу, тебе придется предоставить доказательства, что я была пьяной.

– Ты мне угрожаешь? – фыркнула «Снегурочка».

– Ты правильно меня поняла... Почему роешься в чужой сумке?

– Мне... – вдруг потерялась Алиса, – разрешила Лада взять сигарету... а пачка в сумке.

– Пачка лежит на столе у зеркала с краю.

– Нашла! – подняла пачку Алиса, вынула сигарету и двинулась к выходу, но... судя по всему, девочка не привыкла к чужому превосходству. – Не надо мне угрожать. Ты не знаешь, кто мой отец...

– И знать не хочу. Ты ведь не знаешь, как и твой отец, кто мой любовник? Вот видишь...

Красивый ротик Алисы открылся сам собой, вероятно, ее ушки такое откровение никогда не слышали, она выпорхнула из гримерки, а Саша, нахмурившись, продолжила переодеваться в костюм. Теперь по театру поползут слухи о распутном поведении Бояровой, а с другой стороны... плевать. Пусть думают, что у Сашки есть покровитель и он сотрет всех в мелкий-мелкий порошок, в пудру, в тальк... нет, на молекулы разложит.

Отыграв первый акт, она побежала к костюмерам зашить порвавшийся костюм, а после – в гримерку. Еще не доходя до дверей, услышала взрыв хохота, а когда вошла – хохот резко оборвался. Ага! Обе соседки по гримерке на местах, с ними Алиса, занявшая стул Саши. Любому,

кто попадал на резко оборвавшийся хохот, понятно, что речь шла о нем, ненаглядном и любимом предмете для насмешек (за спиной, конечно).

– Разреши... – взявшись за спинку стула, на котором уложила свой костлявый зад Алиса, сказала Саша. Та безоговорочно встала, закон места – это святое. И тут Саша забыла про баб, их дегенеративный смех и вообще все.

На ее гримировальном столе лежал... нет, не букет, лежал сноп из множества желтых роз. Все как обычно: концы обернуты в целлофан, черные ленты. Саша не притронулась к цветам, присаживаясь на законное место, довольно ровным голосом спросила:

– Откуда роскошь? И от кого?

Визитка лежала на столе, а не между бутонов, стало быть, три девицы изучили каждую букву.

– С вахты принесли, – сообщила Олеся, тоже актриса лет тридцати пяти, мать-жена, с лицом стареющего лилипута и фигурой одиннадцатилетнего подростка. – Ты должна знать, от кого.

Намек на любовника. А Саша успела о нем, несуществующем, позабыть. Что ж, пусть будет так. Не взяв визитку, она подправляла грим, в зеркало видела, что за ней наблюдают, как в зоопарке, и переглядываются. Почему-то люди за спиной полагают, будто их переглядывания и ухмылки не видны, они забывают про зеркала. В гримерке реальные зеркала, но есть еще внутренние, в них мир отражается уж точно без камуфляжа, эти внутренние зеркала имеются у каждого, но люди почему-то об этом забывают. К ее радости, раздался третий звонок, и артистки убежали на второй акт, у Саши до выхода много времени. Оставшись одна, она сразу как-то обмякла, но взяла в руки визитку.

«С премьерой», – написано печатными буквами. М-да... цветов много, слишком много. Саша взяла сноп, он оказался тяжеленьким, потрогала ленточки. Нет, есть и второе отличие: букет перевязан двойной траурной лентой. Короче, двойной намек. А сколько роз прислали на этот раз? Пересчитала – двадцать восемь. Что значит сие число?

– Двадцать восемь... – повторяла она. И вспомнила только одно число, связанное лично с ней. – Через неделю мне двадцать восемь... Четное!

Безусловно, все это что-то означает, Саша пока не понимала – что. Где искать концы намеков? Паникует она не зря, нет-нет, не зря! Для начала нужно выяснить точно значение желтого цвета, значение цветов и цифр. Прекрасное время наступило: можно совершенно спокойно, не затрачивая лишней энергии узнать практически все! Где? В интернете, разумеется, а смартфон с собой...

– Желтый... – открыв сайт, читала вслух Саша. – Используют для накопления физической силы, для увеличения прибыли, также желтый цвет является цветом Бога-Отца. Ух, ты! Отлично...

Однако взгляд упал на похоронные ленты – как-то вот не связываются они с приятными ассоциациями, одна чернуха приходит на ум. Нужно искать все, что касается желтого цвета, обязательно противоположные значения, они тоже должны быть, как разные оттиски на сторонах монет.

– Угу, вот тоже: желтый – застывший солнечный свет, золото... Хм, поэтично. Дальше... Иуду Искариота в желтом плаще изображали... Получается, это еще и цвет предательства. Я как будто никого не предавала, а вот меня... Так, еретиков одевали в желтые одежды перед сожжением на костре... Брр! Значит, это цвет мучительной смерти. Что еще?.. Желтая звезда обозначала евреев во время Второй мировой, в средневековой Европе желтыми лентами отмечали людей второго сорта... И вот: «Цвет осени, зрелых колосьев и увядающих листьев, но также и цвет болезни, смерти, потустороннего мира»...

Да, не все так однозначно, вон сколько значений, причем диаметрально противоположных, половина абсолютно не внушает оптимизма. Какое из них относится к Саше – поди догадайся.

– У славянских народов желтый цвет – цвет измены и ревности, а у некоторых народов Средней Азии это... цвет скорби и траура...

Цвет скорби и траура... Именно о смерти подумала Саша, но примерить ее на себя как-то не получалось, молодость видит себя только в формате жизни. Снова взгляд упал на ленточки... Они были шире прежних раза в два, длиннее прежних, к тому же ленты две, четыре конца завиваются в спирали... Но и букет огромный – двадцать восемь роз! А раньше было семь... В науке о числах «семь» символизирует тягу к неизвестному, желание познать некие тайны, получить знания. А «двадцать восемь» означает... что от нас ничего не зависит в этой жизни!

– Намек, что меня скоро грохнут?

– Боярова! – раздался истеричный вопль Люси, влетевшей в гримуборную. – Ты давно на сцене!

Бросив смартфон на гримировочный столик, Саша взлетела со стула и ринулась вниз, слыша сзади:

– Все, Боярова, ты меня достала. Я обеспечу тебе выговор!

Тем временем на сцене Принц метался, хватаясь за голову:

– Я чувствую, чувствую ее... Злая Колдунья здесь!

Ему подыгрывал Верный Конь:

– Где? Где, ваше высочество? Не вижу! Но боюсь ее! Аж дрожу!

– Она вокруг нас! – опять Принц. – Она растворилась... Она невидима...

Бедняги тянули время, как могли, несли отсебятину, импровизировали с мизансценами. Верный Конь выписывал па, словно фигурист на льду (типа от страха) – лишь бы удержать внимание детей, которые громко смеялись над его гарцеванием.

Бежавшая Саша в полутьме в последний момент заметила преграду из части «дворца», обогнула удачно, но зацепилась за декорацию длиннющей мантией, свешивающейся с плеч до пят. Она вылетела на сцену вместе с куском декорации и сопровождающим ее грохотом:

– Принц!.. Я здесь!.. Что вижу, ваше... черт... высочество... блин...

Теперь Саше надо бы выручать их, потому что оба актера, повернувшись спиной к зрителям, закатились от беззвучного смеха и не могли произнести ни одной реплики. Но они-то находились лицом к ней! Почему-то на сцене палец покажи – и это кажется смешно до колик с икотой. А тут Саша никак не могла отцепиться от прицепа, который, в свою очередь, потянул за собой еще одну часть декораций, раздался грохот падения деревянных конструкций за кулисами. Ей было не до смеха, а нужно провести сцену, выговорить текст, ко всему прочему, Люся грозила кулаком из-за кулис:

– Ну, погодите! Все получите у меня...

Снова ночь. Ночные прогулки когда-то были любимым занятием, но, приехав сюда, в одиночку Саша бродить не рисковала – улицы пустынные и плохо освещены. Возвращаясь из театра поздними вечерами, она уже не прогуливалась, а стремительно шагала, сжимая в кармане на непредвиденный случай газовый баллончик. Идти до дома скорым шагом примерно сорок минут, это недалеко, но после зловещей тени в саду не воодушевляла идея ни шагать, ни бежать по безлюдным улицам, наслаждаясь холодным воздухом, а на такси не наездишься.

Саша искренне обрадовалась, когда после вечернего спектакля Инок вызвался отвезти ее домой, мол, все равно ему по пути. Одно настораживало: похоже, скоро он начнет предлагать «дружбу» и все такое, на что она совсем не рассчитывала. Инок ехал медленно, что и подтвер-

ждало его намерения, впрочем, голова Саши занята другим: ей страшно одной, предстоящая ночь пугала.

– Ух, ты, сколько роз, – выразил восторг Инок. Правда, не высокопарно, скорее вяло. – Щедрый у тебя поклонник.

И вдруг Саша как кинет букет на заднее сиденье, как рыкнет:

– Никому не пожелаю таких поклонников!

– Ого... – опешил он. – Первый раз вижу злую радость. Слышь, Саша, с тобой что-то не так? Нет, я не лезу в душу, ради бога, но, может, могу чем-то помочь? Посмотри на меня: я большой и сильный, я все могу.

Так и попалась на участие, как рыба на удочку. При всей любви к уединению бывают моменты, когда становится душно и тесно в ограниченном мирке, нужен еще кто-то, с кем можно обсудить возникшую проблему, которой имя – опасность. Нет, больше ничего не случилось, так ведь достаточно полученных «подарков», чтобы перепугаться насмерть. Собственно, Саша не собиралась выкладывать совершенно постороннему человеку, что приводит ее в ужас, получилось это нечаянно.

– Двадцать восемь... – повторил Инок до смешного озабоченно, а как раз подъехали к дому Саши, он остановил кроссовер. – Круто. Что ты сама думаешь по этому поводу?

– Намек, наверное, – неуверенно произнесла Саша. – Ну, когда мне исполнится двадцать восемь лет, меня в срочном порядке отнесут на кладбище.

– Так радикально?

Она отвернулась, рассердившись на саму себя – распустила язык, дура! И понесло же ее выкладывать то, чего сама не понимала! У Инока сразу ирония в интонации послышалась, он не поверил! И Саша не поверила бы, расскажи ей кто-то другой про цветочки с ленточками и про человека из ниоткуда в ночном саду – слишком неправдоподобно, как-то по-книжному. Но Инок и не думал продолжать в ироничной тональности, у него даже свои версии появились:

– А такой вариант: тебя вынуждают уехать из города, м?

– Уехать? – подняла брови Саша, слегка обрадовавшись, ведь «вынуждают уехать» звучит мирно, в отличие от «угрожают расправой». – Мне не приходило в голову... То есть я мешаю кому-то, да?

– Видишь, как просто найти отправную точку, и никакой мистики. Идем дальше в логику: кому ты мешаешь? Это еще проще: твой недруг в театре.

– Думаешь?

– Конечно, я могу ошибаться... – дал задний ход он.

– Ну, знаешь, твоя ошибка может мне дорого стоить! – пыхнула Саша, надеявшаяся в глубине души на более существенную помощь от мужчины.

– Слушай, если это не конкурентка намекает, чтоб ты катилась туда, откуда прикатила, тогда сама должна знать, кому дорогу перешла.

Что ж, рассуждал он вполне здраво, зря Саша думала, что в его небольшой голове мало-вато мозгов. Но в том-то и дело, что в общепринятом смысле дорогу она никому не переходила, поэтому сказала:

– Ты шутишь, а мне не до смеха.

– Совсем не шучу. Ну, сама посуди: просто так, ради прикола, букетик за... даже если посчитать по сто рэ... это, извините, почти три штуки. Но твои розочки намного дороже, плюс доставка, плюс наверняка особые условия...

– Что значит – особые условия?

– Конфиденциальность, к примеру. Ты же не знаешь, от кого получаешь цветы, наверняка даритель пожелал остаться неизвестным за определенную сумму. Завтра воскресенье, да? А давай после завтрашней сказки съездим в цветочный салон? Выясним про твои розы... если нам расскажут.

Конечно, она согласилась, тайны хороши в книжках, когда лежишь на диване и под шумок дождя бежишь глазами по строчкам, увлекаясь сюжетом. А в реальности пускай тайны достаются тем, кто любит жить в стрессе. Открыв дверцу, она прыгнула на землю, но, увидев перед собой ворота, ощутила, как внутри все сжимается в маленький твердый комочек...

– Инок, – повернулась к парню, – ты не мог бы постоять у входа, пока я не войду во флигель?

– Постоять? Ты кого-то боишься? Во даешь! А в спектакле как красиво идешь на казнь... залюбуешься.

– Не язви, тебе не идет, ты же большой и сильный. Тоже мне, сравнил: спектакль и жизнь! Я не королева, а только играю ее, это разные вещи. Я видела этой ночью человека во дворе... в саду... он стоял напротив моих окон! Представь: ночь, фонари горят тускло и черный силуэт. Мне стало страшно.

– Ладно, ладно, не психуй.

Иннокентий приблизился к железной калитке, открыл ее и заглянул во двор. А заборчик знатный окружал участок: сплошные гофрированные щиты метра два высотой, покрытые вьющимися растениями, которые осень заметно проредила. Дом в глубине, к нему вела дорожка через великолепный небольшой садик, протяженностью примерно метров пятнадцать или чуть больше, она пролежала мимо флигеля. Несколько матовых фонарей круглой формы на высоких чугунных столбиках освещали саму дорожку, так как расположены вдоль нее, но дальше локальных пятен света не давали. А в доме свет горел.

Облокотившись о железный проем, Иннокентий шире распахнул калитку, приглашая трусливую королеву пройти к своему флигелю. Саша подошла, правда, границу не сразу переступила, сначала подалась корпусом вперед и заглянула во двор, осматривая его.

– Ты не доверяешь мне? – ехидно спросил он.

– Проверяю, вдруг ты не заметил... Извини.

– А может, ночью в саду был хозяин? Вышел воздухом подышать, м? А ты со страху приняла его за злоумышленника.

– Так и знала, что поднимешь меня на смех! Так вот хозяйина я бы узнала. Ладно, спасибо тебе, я пошла.

– Подумай, поищи, кому ты на хвост наступила. Отнесись к этому серьезно, ведь просто так на жизнь человека не покушаются, если только это не конченный психопат. Ну, бывай, твое величество.

Саша пробежала к флигелю, быстро открыла дверь и помахала Иноку на прощание, радуясь, что он не стал приставать. Иннокентий закрыл калитку, вернулся в машину и некоторое время сидел, раздумывая, одновременно потирая подбородок, все же достал смартфон и позвонил:

– Это Иннокентий, добрый вечер. Извините, что так поздно, но вы сами... А, да, я забыл, что между нами часовая разница. Короче, нельзя сказать, что я подружился с ней, но мне она уже доверяет... Говорил, говорил... Нет, величиной наследства не интересовалась... Совсем. Ее интересуют только роли...

4

В то же самое время Саша заперлась на все имеющиеся замки, кинула сумку в прихожей, задраила окна шторами и пришла на кухню. Под салфеткой обнаружила еду – неудобно как-то, забота всегда обязывает, а Саша не любит быть обязанной кому бы то ни было, даже таким замечательным людям. Однако голод не тетка, девушка взяла маленький пирожок, надкусила... С мясом. Безумно вкусный, хоть и холодный. А мысли крутились в одном направлении, вряд ли и сегодня она заснет из-за этого.

И унеслась на тот банкет, или корпоратив – как нынче принято называть праздники в коллективах. Там на столах теснились блюда с красиво оформленной едой, возвышались бутылки с вином и коньяком, бокалы, вазы с фруктами. Почему именно тот вечер вспомнился? Не из-за пирожков же на тарелке! Скорей всего, где-то на периферии сознания засела фраза Инока и не давала покоя: «Слушай, если это не конкурентка намекает, чтоб ты катилась туда, откуда прикатила, тогда сама должна знать, кому дорогу перешла».

– Хм, дорогу перешла, наступила на хвост... – проговорила Саша набитым ртом, присев на стул. – Мало ли, кто и кому дорогу переходит, не на всех же из-за этого софиты падают. Только я сошла со всех дорог и со всех дистанций...

Иногда, как сейчас, ее неудержимо несет назад и без слов Инока, словно она жаждет пережить заново помимо счастья – разочарование и отчаяние. Мазохизм какой-то. Да, был другой мир, в некоторой степени фееричный из-за многообразия, остаться собой в нем было так же сложно, как не заразиться чумой в Средние века. Саша не потеряла себя, то есть жила, четко следуя установленным принципам, благодаря чему не смогла вписаться в желанную стихию, однако не это ее тревожило и тогда, и сейчас. Порой обстоятельства создаются некой темной силой, которая до поры до времени торчит в подполье и однажды выползает, чтобы ударить. Главное, от Саши ничего не зависело...

* * *

Получить диплом (хоть усеянный пятерками, хоть там будут сплошные тройки) – это формальный этап, который не дает никаких гарантий. Такова реальность. Саша не смогла найти работу в Москве, куда хотела – ее не брали, а куда брали – туда она сама не хотела. Но как без Москвы, без кино, без надежд? Жизнь только началась, самостоятельная и абсолютно безденежная. Не будь Изабеллы Дмитриевны, пришлось бы жить на вокзале и питаться воздухом.

Однако мало-помалу Саша освоилась с тяжелыми условиями, подыскивала халтурки. То Снегурочкой работала – очень выгодная, но сезонная работа, как на грядках клубники. То в эпизодах снималась, то корпоративные вечера вела – слава богу, праздников в стране полно, иначе столица превратилась бы в Дикий Запад и конкуренты перестреляли друг друга. То ее приглашали в спектакль на троих – два известных актера и она делали Ches в какой-нибудь области, потом опять простой, потому что мужики снимались. Худо-бедно деньги водились, хватало на одежду (разумеется, не из дорогих бутиков) и баловать бабулю Изабеллу вкусностями.

И вот однажды... да, этот день изменил ее жизнь, хотя тогда и много позже она этого не поняла. Итак, однажды... Кстати, это было зимой! А зима тогда упала на Москву в ноябре, упала густыми снегопадами, укрыла город толстым слоем снега и успокоилась. «Мороз и солнце – день чудесный» – вот такой была в тот год зима, какая-то спокойная, мягкая, хоть и морозная.

Проснувшись утром, Саша отдернула штору и зажмурилась от яркого солнца, которое еще и погладило ее по лицу теплом, а за окном-то минус! Она улыбнулась солнцу – глупо, конечно, но когда тебе чуть больше двадцати, все вокруг имеет немного другое значение, чем на самом деле. Улыбнулась и кинула взгляд вниз. Детишки катались во дворе на санках и просто на подошвах собственных ботинок, утрамбовывая и отшлифовывая дорожки до такой степени, что по ним ходить невозможно, народ падает.

А на кухне Изабелла Дмитриевна уже заварила чай, сварила яйца и овсянку – беее. Умывшись, Саша плюхнулась на стул, схватила кусок сыра и закивала головой в знак благодарности, когда заботливая старушка поставила перед ней чашку с чаем. И дольку лимона бросила в чашку девочки. Саше сказочно везло на хороших людей, таких, как эта чистенькая, маленькая и хрупкая старушка с лицом доброй феи на пенсии. Вот если б и на режиссера повезло, на продюсера... а еще на агента, агент у Саши (диких размеров бабища) никуда не годится.

И тут раздается звонок. Ким закончил театралку на два года раньше, он успешно работал в каком-то малоизвестном театре и являлся востребованным сериальным актером.

– Сашка, ты вела корпоративы?

– Ну, да, – воодушевилась она, угадав, что предстоит поработать не задаром. – И концерты вела...

– Короче, Саня, выручай. Элка в гипсе. Упала на лестнице и сломала руку. Мне нужна красивая ведущая на серьезное мероприятие. Если б ты была такого же уровня известности, как Элла, получила бы очень круглую сумму, а так – только половину. Но и это приличные деньги...

– Я согласна! – буквально выкрикнула Саша.

– У тебя вечерний наряд есть? Нужно красивое платье, требование заказчика – богиня!

Саша позаботилась о наряде. Впереди Новый год, наверняка привалят халтурки, чтобы не бегать по знакомым в поисках наряда, она потратилась на платье... нет, на ткань и всяческие мелочи. А платье сшила старушенция с пятого этажа – подружка Изабеллы, расшивали его жемчугом всей престарелой компанией подъезда, получилось выдающееся творение. Портниха еще и смошенничала: пришила бирочку от другого платья, которое ей приносили на переделку, в результате вышел крутой бренд.

– Наряд? Есть, есть, – заверила она. – Изумительный наряд.

– Тогда встречаемся через два с половиной часа, познакомлю тебя с программой и распределим, кто чего говорить будет.

– Yes! – воскликнула Саша, подпрыгнув на стуле.

– Тебе предложили главную роль в кино? – поинтересовалась Изабелла Дмитриевна, заранее готовясь, наверное, прыгать от радости.

– Пока только провести серьезный вечер. Корпоратив.

– М-да, вечер, – разочарованно проговорила старушка, состроив кислую мину. – А-яй... Столько учиться, стать профессиональной актрисой, которой нужно открыть все двери, потому что талант... и радоваться какому-то корпоративу!

– Но на таких мероприятиях бывают важные люди, из мира кино тоже. Это может быть мой шанс...

Бойтесь своих желаний – они имеют свойство сбываться... Все знают эту истину, в которую тайно верят даже атеисты, знала и Саша. Мудрость древняя, неизвестно, кем произнесена впервые, приписывают даже Конфуцию, но не исключено, что ее кинул на землю сам дьявол – это же верный способ искушать людей. Как правило, мы не вдумываемся в значение набивших ухо фраз, а они – подсказка, что все мы под контролем могущественной инфернальной силы. И сила эта иногда шутит с подтекстом: ах, глупый человечек, ты хотел шанс, у тебя он будет, посмотрим, как распорядишься им. Но в чем шутка – шанс может быть совсем из другой сферы, распознать его очень нелегко, ибо кругом столько соблазнов, которые путают, отвлекают, затуманивают сознание...

На тот корпоратив она пришла в новом платье, оно было невообразимо красивым: на бледно-голубой прозрачной ткани вытканы крупные голубые цветы с листиками. Листики разбросаны по всему полотну – это очень красиво, нежно, воздушно. Под этим платьем еще одно из тонкой ткани ровного бирюзового цвета с открытым, плотно прилегающим лифом. Прозрачное платье с рукавами до кистей, полностью закрыто – под горлышко. Сейчас время, когда все оголяются, выйти голым (или только с тряпочкой на причинном месте) – креативно, вызывающе, смело, эпатажно, Саша пошла обратным путем: закрылась до ушей. Однако плотно облегающий лиф скрыл только грудь, плавно спускался вниз и соединялся сзади у талии, сквозь ткань просвечивалось тело: верхняя часть от груди, спина, руки. Нет лучшего способа при-

влечь внимание, закрывшись полностью, в то же время выйти условно оголенной. Эффектно смотрелось.

В этой красоте (с изнанки лучше не смотреть, сразу видно: не Карден) Саша ступила на маленькую сцену вместе с Кимом, ощущая, как за ней плывут воздушные фалды обеих юбок. Она улыбалась, в то же время контролировала себя, чтоб улыбка не напоминала рекламу труда стоматолога, как искусственная улыбка Кима. Он вообще какой-то вздернутый, излишне энергичный и свой в доску, если не сказать – навязчивый. Играл отважных героев, а на вид стандартный: среднего роста, среднего телосложения, средних способностей, внешность тоже – ничего примечательного: заостренные черты встречаются у каждого третьего, а узенькие губы у каждого второго. Клеился к Саше, ну как же без этого? Он ведь без пяти минут звезда, ему нужен легион баб, побывавших в его постели. Она ответила таким выразительным взглядом, что Киму осталось лишь улыбнуться тонкогубой улыбкой и сказать, подняв ладони:

– Понял, понял, не дурак. – Не расстроился. И слава богу!

Праздник проходил в конференц-зале фирмы, следовательно, сцена не сцена в общеизвестном виде, а скорее помост, на полметра возвышающийся над полом, причем достаточно широкий и глубокий, чтобы на нем даже плясали две-три пары. Соорудили и подобие кулис, поставили большие щиты с надписями – когда и чем отличилась родная фирма. За щитами прятались Саша с Кимом, к тому же с их стороны был выход в коридор, где толпились артисты второго и третьего сорта, звезд первой величины приглашали особо.

Пространство зала дизайнерам удалось превратить в ресторан, несколько помпезный, а хорошо это или безвкусно – сложно сказать, наверное, заказчик так захотел. Столики круглые, накрыты белыми скатертями с драпировками, на стульях такие же чехлы с драпировками, официанты в белых смокингах... или похожих на смокинги пиджаках, Саша не очень разбиралась в мужском гардеробе. А вот лично ее неприятно поразило обилие черноты в одежде фирмачей, будто других цветов не существует, тем паче на празднике. Мужчины либо в черных костюмах, либо хотя бы брюки с бабочкой черные, женщины ва-аще жуть, одни черные платья – короткие и длинные, черные туфли, клатчи и апофеоз – черный лак на ногтях, правда, не у всех. Какой-то бал вампиров намечался, но Саша спросила Кима не об этом:

– Почему банкет в фирме? Народу-то немало... Почему не в ресторане? Это было бы удобней, меньше возни.

– А я знаю! – пожал тот плечами. – У каждого своя пуля в голове, не суши себе мозги всякой хреню. Может, помимо жарчки, запланирован корпоративный секс. Отсексались в кабинетах, вернулись к столам и продолжили пить-танцевать. Неплохо, а? Потом переговоры ведут, в своих апартаментах безопасней и надежней, информация не уплывет. Какой кабак предоставит столько услуг сразу? А что ты называешь – удобней и возней? Для кого? Официантов и поваров? Кто их будет спрашивать – где им удобно? Плита здесь есть в типа столовой этажом ниже, остальное с собой приволокут, не запарятся. Все, Саня, начинаем...

Вечер покатился по шаблону: поздравления с выходом на сцену, звон бокалов-вилок, номера, периодически вручались грамоты и памятные подарки. И вспышки, вспышки фотоаппаратов... Так прошло часа три.

Объявив очередной номер, Саша зашла за «кулисы» и уткнулась в текст, который лежал на столе, ведь репетиция была всего одна, да и то без номеров, просто распределили с Кимом текст, проговорили его, и все. А работать следовало без сучка без задоринки. Ким тоже склонился к ней, заглянув в лицо:

– Саня, я минут на десять выскочу, сигареты закончились – не думал, что эта бодяга затянется надолго. Справишься сама?

– Я вошла в режим, иди, не переживай. Только! – задержала его. – Попроси прийти несравненную, известную в узких кругах Роситу, ее шедевры следующие.

– Не любишь ты Роситу, – с укоризной сказал он, уходя.

– Ха! Мне как-то без разницы... абсолютно без разницы...

– Что именно? – спросил незнакомый голос.

Саша выпрямилась, но рядом с ней уже стоял не Ким, а молодой человек в темно-сером (почти черном – о боже!) костюме. «Какой серьезный...» – отметила она про себя. Крупные и в то же время отточенные черты могли показаться даже красивыми, но серьез, но собранность, но подтянутость... казалось, даже нос, глаза, губы, уши собраны в определенную маску, отвечающую торжественному случаю, но не празднику. Прическа охранника: светлые волосы коротко стриженны, эдакая эковская щетина, а под воротником щегольская бабочка – несоответствие полное. К тому же от него за пять метров несло ответственностью, будто это старик лет шестидесяти, а самому наверняка и тридцати нет. Скорей всего, рядом с Сашей стоял белый воротничок, креативный менеджер, офисный планктон, что в переводе – сухарь и холодильник. Только немного нетипичный.

– Я не вам, – сказала она. – Вы что-то хотели?

– Угу, хотел... (А тембр у него ничего, мягкий баритон с завораживающими переливами.)

Кто у нас тут по плану? Разрешите?..

Он взял со стола папку с программой, но Саша подсказала:

– У вас и у нас по плану Росита. Или Розита. Не знаю, как правильно.

– Неважно. – И протянул, не глядя, ей ладонь. – Алексей.

Станный способ знакомства. Кто он – понятия не имела, однако простые люди тут не ходят, посему пожала протянутую руку, тоже представившись:

– Александра. Можно Саша.

– Значит, так, Саша... Объявите эту... Ситу-Розиту позже. Сначала выступит наш гость, он только что приехал и хочет сказать несколько слов.

– Но ее уже вызвали на сцену! – растерялась Саша.

– Минут десять-пятнадцать подождет – какие проблемы?

– Но вы не понимаете... она... Давайте выйдем в коридор, мы мешаем артистам на сцене.

Алексей кивнул и жестом указал ей на выход, мол, только после вас, мисс. В коридоре разминали ноги два танцора, при них не хотелось говорить, да делать нечего. Саша развернулась к Алексею с намерением убедить его оставить Роситу как есть, а то воротнички командуют, но шишки-то на голову ведущих сыплются, потому что звезды... это бешеные звездищи. Про себя Саша давала обещание: не будет она вести себя, как бешеная звездища, когда станет известной актрисой – тогда она еще верила в сказки. Прямо не объяснишь, что певунья способна испортить вечер всем, включая нового гостя, пришлось подбирать корректные слова:

– Послушайте, Алексей... Артисты, особенно певцы, натуры тонкие, впечатлительные, они любой сбой воспринимают как вредительство...

– Главное, вы не переживайте, – улыбнулся он, как-то странно улыбнулся, с непонятным намеком. Вероятно, так улыбаются, видя перед собой наивных дурачков. – А ваша Розита переживет.

– Она не моя, ваша! – отбрила Саша. – Ваша фирма ее приглашала, а не я, но именно мне достанется от нее, а не вам.

Ее прервали отчетливые шаги, точнее, назойливый стук каблуков, так ходят только звездищи – впечатывая острые каблуки в пол: тюк, тюк, тюк! Спорщики повернулись на звуки... К ним приближались серьги, ресницы, красные губы – все это на высоченных шпильках. Ну, еще много кудрей и маленький лоскуток ткани. Саша выглядела монашкой, синим чулком рядом с несравненной Роситой, которая недовольно осведомилась:

– Неужели до сих пор идет номер?

– Да, – закивала Саша, натянув виноватую улыбку.

– Там что, ораторию исполняют? – сострила певица.

– Нет, это ритуалы чукотских охотников, они исполняют композицию из песен и танцев... На Чукотке филиал фирмы... – извиняющимся тоном объяснила Саша. Поймав на себе насмешливый взгляд Алексея, который мог сам договориться с певицей, раз командует здесь, ей не оставалось ничего, кроме как выполнить его требование. – Тут такое дело... Вам нужно еще подождать... мы просим... совсем немножко. У нас срочный гость... то есть он срочно приехал... скажет несколько слов, а потом я вас...

– Девушка, – перебила Росита. – Я ждать не стану, вам ясно?

Саша так и знала: скандал – дело святое для звезды.

– Не ясно, – неожиданно вырубил Алексей.

Держа руки в карманах брюк, он выступил вперед, от него исходили такие спокойствие и уверенность, что Саша чуток попятилась, уступая ему место.

– Объясняю популярно, – взяла высокомерный тон певица, поставив руки с длинным маникюром на талию. Она чувствовала себя здесь главным сюрпризом, которому мешает какая-то мошара. – Сегодня у меня еще один корпоратив, я уже (!) опаздываю. Из-за вас. Вы же затянули с началом своего корпоратива, поэтому! Сначала пою я, а потом выпускайте ваших гостей хоть толпой. О'кей?

В глубине души Саша радовалась, что сухарь Алексей не ушел и принял на себя удар выкрутасов, у нее совсем нет способности утрясать дутые конфликты.

– Прошу прощения, – мягко сказал Алексей своим чародейным голосом, – но ваши условия неприемлемы. За те деньги, которые мы вам платим, вы будете ждать, сколько нужно нам, а не вам. Если вас не устраивает выступление после нашего гостя, я не смею настаивать, вы можете быть свободны.

Казалось, вот-вот вспыхнет костер вражды после того, как менеджер Алеша поставил певичку на заслуженное место. С точки зрения звезды он унизил ее, хотя к его тону не придерешься, тон был как раз идеально ласковый.

– О'кей, – беспечно прищелкнула пальцами Росита. – Выплатите компенсацию и...

– Момент, – поднял он указательный палец, заостряя ее внимание на себе. – О компенсации речи идти не может – это же вы отказываетесь петь. Должен сказать, что других корпоративов у вас на сегодня не запланировано, я знаю это наверняка. Идите и ждите в кабинете, который выделили для вас, это будет наиболее правильным решением с вашей стороны. Но если примете противоположное решение, мы не возражаем.

Саша рот открыла, потому что ожидала чего угодно, но не... тишины в ответ от популярной в тусовке хамки. С презрением в размалеванных всеми цветами радуги глазах, Росита резко и молча повернулась и, по-солдатски чеканя шаг, удалилась, оставив после себя запах терпких духов. Будто парфюмерная фабрика прошла мимо – задохнуться можно. Глядя ей вслед и отведя руку в сторону Алексея, Саша показала ему большой палец, но предупредила:

– Учтите, она уйдет. А у нее три песни... целых пятнадцать минут!

– Уверяю, никто даже не заметит. Саша, вот тут я написал полное имя и регалии нашего гостя, но... уже закончился номер, вы даже прочесть не успеете, а хотелось бы представить его по-особому, с теплотой. Это наш партнер, инвестор и просто очень хороший человек.

– Не переживайте, – забрав лист бумаги, успокоила она Алексея. – Я сейчас объявлю танцы, а сама за это время выучу все регалии и придумаю подводку.

В начале вечера атмосфера была стоячей – никто не выходил на небольшой пятачок посреди зала, чтобы немного размяться, пустоты заполняли музыкой, пока за столиками ели и пили. Музыкальные паузы дают время на привыкание к празднику – штука важная, они постепенно раскрепощают, кстати, к этому времени танцевали уже охотно. Саша зазубрила длинное имя с регалиями и вот вышла на сцену с микрофоном:

– Господа, минуточку внимания! Сейчас сюда выйдет один человек. Там, за кулисами, мне столько рассказали о нем, что я в себе засомневалась – смогу ли с тем же почтением,

восхищением и любовью представить вам его. Он прилетел только для того, чтобы сказать вам несколько теплых слов. В наш век проще простого поздравить – набрал номер телефона, и говори, но он бросил все, а это очень занятой человек, и прилетел, чтобы увидеть ваши глаза, ваши лица. Вы его знаете. И любите. Как любит вас он. Итак, наш гость из Франции... месье Маршани!

Перечисляя титулы и занимаемые должности, она заглянула только раза два в папку, где рука Алексея вывела кривые буквы, а когда выговорила последние слова, почувствовала, что ее лоб в каплях пота. Высокий и полноватый месье Маршани выпрыгнул на сцену, поднял высоко руки, принимая грохот аплодисментов, а Саша ретировалась в коридор, обмахиваясь папкой.

– Ну, молодец! – выразил не сухой восторг Алексей. – Классно сработала. Как тебе удалось запомнить столько непривычных слов?

И она тоже перешла на «ты», в конце концов, век скоростей, бешеных ритмов стирает условности, к этому пора привыкнуть:

– Могло быть лучше, но у тебя почерк невозможный, глаза спотыкались, когда читали. Пить хочется...

– Сейчас принесу.

Ага, сначала добровольные слуги, а потом – ты мне должна! Нет уж, нет уж... Все эти приемы Саша наизусть знала, несмотря на молодость, но когда она хотела решительно отказаться от одолжения, было поздно – Алексей стремительно удалялся. Не кричать же на весь коридор: вернись, я уже не хочу воды, не надо мне никаких услуг! Можно было и догнать, да пост ведущей бросить нельзя, Саша одна осталась, объявила главу фирмы, который после француза решил всех порадовать ответным словом. Вскоре и Ким вернулся:

– Как ты тут, май дарлинг?

Наглец заслуживал кары, осатаневшая Саша развернулась к нему и набросилась:

– Ты сказал – десять минут! А тебя не было сколько? Мне пришлось Роситу отправлять в примерку, она тут вся позеленела и посинела! От злости. Тут столько поздравилок пошло, а с Роситой – никого, кто бы ее развлекал это время! Не знаю, будет петь теперь или нет...

– Саня, не пыли, это же не концерт в Кремле, здесь люди пьют-едят, им пофиг, кто тут перед ними скачет и квакает в микрофон под фанеру.

– Я, конечно, не востребована, как ты, в Кремль вести концерты меня не приглашают, но мое правило такое: работать везде, как в Кремле, а не халтурить. Иди к Росите и спроси, будет она петь или нет. Откажется – выходи петь сам, из певцов она последний гвоздь.

– Да ладно, че-нить расскажу смешное... Я пошел.

Ким из породы людей, которых не тревожит ничего, что не касается его замечательной персоны, отсюда вывести из равновесия данный типаж невозможно, как и ввести в смущение. Ему плевать, какие тут были трудности у Саши, хотя именно он нес ответственность за вечер, за что ему и платят раза в три больше. Ким двинулся к певице, даже не соизволив поторопиться, к сожалению, и у него незаметно выросла корона на голове, да как быстро!

– Держи воду...

Саша увидела перед собой руку с бутылкой минеральной воды, потом Алексея. Осталось кивком поблагодарить, схватить бутылку и с жадностью прильнуть к горлышку...

– Я и стакан принес, – сказал он, но Саша отмахнулась, мол, мы не гордые, без стаканов обойдемся. – Тогда я пошел, ладно? (Она опять закивала, не отрываясь от бутылки.) Увидимся.

На этот раз Саша не успела ответить, так как заметила Роситу в сопровождении Кима. Надо же, не ушла, как грозила! И по всем признакам собиралась петь. Да-да, она шла петь, это было видно по самодовольному лицу Кима. А шла-то как! С носом до потолка, с явным чувством торжества, словно ее долго уговаривали все скопом остаться и спеть хотя бы один куплет. В сущности, мир исполнителей предсказуем, всегда можно просчитать, как поступит тот или иной кумир, когда перед ним встанет проблема: деньги или достоинство. Саша и не

подумала бежать за ними на сцену, решив: пусть теперь Ким отдувается один, как отдувалась она в течение часа, а не десяти минут.

Эх, присесть бы... Саша еле на ногах стояла. И почему в коридорах не предусмотрены стулья, банкетки, интерьерные кубы, на которых можно устроиться и передохнуть? Она оперлась спиной о стену, про себя радуясь, что дело близится к финалу, вдруг... Стоп!

Наверное, с этой секунды и началось то, что до сегодняшнего дня она не в состоянии осмыслить. На нее кто-то смотрел.

Молодой мужчина лет тридцати стоял напротив в коридоре, прислонившись плечом к той же стене, и рассматривал Сашу с едва заметной улыбкой, будто знал про нее все неприличия, которые она сама в себе не подозревала. Не нравилось ей, когда так смотрят – плотоядно, снисходительно и многообещающе, во всяком случае, благожелательным подобный взгляд не назовешь. В ее представлении люди, впервые встретившись, обязаны проявить уважение друг к другу, а не оскорблять одним порочным взглядом. Вот-вот: нечто порочное отпечаталось на его лице, хотя от подобных мужиков девчонки тащатся, а потом... впрочем, «потом» уже неинтересно, потому что банально. Так от чего тащатся? А вывеска презентабельная: отточенные тонкие черты (отдаленно напоминал Кима, хотя герою сериалов далековато до этого хлыща), брюнет (а брюнетов дамы обожают), отличные фигура и рост, шмотки крутые, наверняка и тачка у него самая-самая. Безусловно, у этого породистого кота масса одноночек, но он решил пополнить список Сашей, о чем свидетельствовала полуулыбка с чуть-чуть опущенными уголками губ, отчего все выражение было удивительно слащавым, отсюда противным. Когда так плотоядно и пристально смотрят, как тут не спросишь:

– Вам нужна помощь?

Он многозначительно закивал, о, Саша терпеть не могла эти дешевые методы соблазнения и понты, ну, понятно же, какая помощь ему нужна. Именно поэтому она не любила корпоративы – обязательно клеится какая-нибудь гадость, думающая о себе в превосходной степени.

– Меня зовут Роберт, – сообщил он, подойдя к ней.

– Очень приятно. Извините, мне пора на сцену...

Роберт поймал ее за запястье, рука его оказалась теплой и мягкой, как у кошки лапка, а произнесенные слова предсказуемыми до оскомины:

– Там без тебя обойдутся. Предлагаю продолжить вечер в зале за моим столиком. Как мое предложение?

Осчастливил, блин! Толстенный намек на пошлые обстоятельства просто взбесил Сашу. И главное: у этого глупца в мыслях не было, что она откажется от столь «лестного» предложения.

– Не могу бросить работу... – решила все же быть вежливой она, но Роберту не понравились причины отказа, он перебил:

– В деньгах ты не потеряешь. Это здание принадлежит моему отцу, а я его правая рука. Тебе же известно: кто платит деньги, тот и музыку заказывает.

Вон оно что... Мажор. Папин сынок охренел от «мне все подвластно». Другая на ее месте завизжала бы от радости, поймав удачу за хвост, ведь многие девушки едут в Москву, лелея надежду подцепить богатое счастье, которое к тому же не старый хрен. И он об этом знал, на это и рассчитывал, а потому был уверен в себе и успехе. Никогда еще красивые рожи не были настолько отвратительными, поэтому Саша резко выдернула руку и смело заявила:

– Известно. Но не настолько, чтобы тупо исполнять ваши капризы.

И отправилась на сцену под его тихий смешок – это было как плевок в спину. Росита пела в зале между столами, а на сцене выписывали па две пары в ярких цветных костюмах, напоминающих оперенье райских птичек. Ким встретил ее без тени обиды, потирая руки, обрадовал:

– Саня, мы добрались до финала без эксцессов. Росита поет еще две песни, сейчас я объявлю одного мэна, он будет речь толкать, и сгоняю за гонораром.

Скорей бы... А то и устала, и есть хочется, и настроение несколько подпорчено котом Робертом. Она мечтала выбраться из респектабельного обиталища на улицу, где ночная Москва сияет, как новогодняя елка. Все же Саша нашла, куда пристроиться – присела на краешек стола, сбросив туфли и чувствуя, как ножки благодарно откликнулись.

Росита закончила свое выступление, в зале слышался гул, кстати, там тоже вечер подходил к концу, кое-кто засобирался, ведь почти двенадцать. Примчался Ким и заявил:

- Сашка, я без твоих бабок, тебе надо расписаться...
- Расписаться? – изумилась она. – Где? Зачем?
- В получении денег, мне не дают.
- Но обычно мы получаем в конвертах без всяких росписей...
- Трудно расписаться? Иди на этаж ниже, комната четыреста сорок один.

Ох, неохота... Но Саша влезла в туфли – а ножки-то отекли, – и побежала за своими кровными, придерживая длинные юбки. Открыв дверь с цифрами «441», слегка поразилась полумраком, но вошла, ища источник света, ведь именно там должен некто раздавать заработанные денежки. Шла она через просторное помещение с несколькими столами, отделенными перегородками из прозрачного пластика – видимо, это какой-то отдел, может, даже бухгалтерский. А в конце еще одна дверь, она была открыта, оттуда и шел свет. Когда Саша вошла, сразу поняла, что деньги ей просто так не отдадут, потому, приуныв, остановилась на пороге. Вот почему у Кимушки глазки бегали, словно он кого-то обокрал: понял, негодяй, что Сашу заманивают в ловушку, понял и предал, говнюк!

- Заходи, заходи, – пригласил ее Роберт, чтоб ему пусто было!

Он восседал в кресле с высокой спинкой, перед ним на полированном столе лежал листок, рядом стопочка купюр без конверта. Фирма солидная, а на конверты пожадничала разориться? Для пушей убедительности он придвинул к ней лист и положил сверху авторучку. Ей бы развернуться и уйти, потом устроить скандал Киму и потребовать, чтобы принес деньги, но вопреки разуму Саша с опаской подошла, взяла авторучку и склонилась над листком...

- Это что, ведомость? – поинтересовалась, видя явную липу.
- Расходный ордер, – ответил Роберт.

Ни паспортных данных не потребовал, ни адреса, ни других пунктов, удостоверяющих, что это документ, – таких ордеров она может напечатать на принтере штук сто. И что делать? Дать понять, что она не дура? Стоит ли? Он начнет прикалываться, острить, злить, приставать. Подобный экземпляр не впервой встретился, научена, поэтому взрослые корпоративы не любила, но за них хорошо платили. Выход один: Саша поставила фальшивую закорючку на фальшивке и придвинула лист вместе с авторучкой к Роберту, затем медленно выпрямилась. А он крутился в кресле – направо-налево, направо-налево... и поедал ее беспутными глазами.

- Будьте добры, мои деньги... – напомнила Саша, зачем она здесь.
- А куда ты так торопишься?
- А почему вас это интересует? – подчеркнуто вежливо бросила она встречный вопрос.
- Потому что... хочу познакомиться с тобой поближе.
- Вы опоздали. Я замужем, у меня двое детей...
- Разведка донесла, ты НЕ замужем, – ухмыльнулся Роберт, а Саша догадалась, кто сдал ее: Ким, конечно! – И детей у тебя нет.

Она протянула руку, чтобы забрать купюры, но... Роберт положил на стопку свою холеную лапу и провокационно улыбался. В данных обстоятельствах возникает два непреодолимых желания: заехать по роже хаму и зареветь от обиды. Саша выбрала третью вариацию: уйти, а завтра приехать и попробовать гонорар, хотя уверенности теперь, что получит деньги, не было. Она развернулась и стремительно вышла в помещение со столами и перегородками. Роберт так же стремительно обогнал ее – вот это скорость! – и встал на пути, еще и руки расставил в стороны, словно голкипер в футбольных воротах:

- Да погоди ты! Странная какая... Ты даже выслушать не хочешь!
- Потому что знаю, что вы скажете, – перебила она. – Вас накрыла любовь, вы без ума от меня и предложите поехать в гостиницу...
- У меня есть своя квартира...
- Какая разница – дом, квартира, номер...
- Не угадала! У меня другое предложение: поехали на Гавайи?
- О... – подняла брови Саша. – Круто.
- Я знал, что тебе понравится мое предложение.
- А в качестве кого я еду на...
- Гавайи. В качестве моей подруги, разумеется.

У деда любимая поговорка: «Дураки учатся на своих ошибках, умные – на чужих». У Саши опыт маленький, зато его бо́льшая часть приходится на чужие ошибки, чужие слезы и свои наблюдения с выводами. Предложение Роберта – банальный шаблон, которым пользуются так называемые золотые слитки, встретив тупую телку, мечтающую о богатом покровителе. Его цель – срочный секс и ничего более, а Гавайи – даже не лапша на уши, это дешевые макароны.

– А до этого я обязана доказать, что заслуживаю гавайского рая? – усмехнулась Саша. – Гарантирую, что не заслуживаю. Дайте пройти.

– Ты не... хочешь? – Как же он изумился!

– В ближайшую пятилетку Гавайи не входят в мои планы.

Не привыкший к отказам Роберт не на шутку начал злиться:

– Слушай, ты чего такая колючая?

– Нужно очутиться на моем месте, чтобы это понять, – сказала она, видя, что дело принимает совершенно нежелательный оборот. – Дайте пройти.

Да, это уже был другой человек: встретив отпор, он возмутился наглостью девки с завышенной самооценкой, а потому налет сноба с его лица быстро смыло, появилось другое выражение – злобное, да и тон изменился:

– Слышь, а чего ты корчишь из себя неприступность? Цену набиваешь? Смешно, честное слово.

Тут уж и она не смогла удержаться от ядовитой интонации, но ведь достал представитель элиты, он как раз заслуживал жестокой правды:

– Просто ты мне не нравишься.

– Зато мне нравишься ты.

Наверное, Саша неправильно себя повела, потому что не должно было случиться того, что случилось. Следовало разыграть сердечный приступ, аллергическую реакцию – мол, я смертельно больна, и тогда даже этот придурок поостерегся бы нападать. А на здоровую девушку... запросто! И это стало неожиданностью для Саши, все же она наивно полагала, что Роберт не посмеет действовать агрессивно, хотя теоретически знала: и такое случается.

В один миг она очутилась спиной на столе, скорчив гримасу от боли, ведь скотина Роберт не церемонился, а одним броском уложил ее на лопатки и придавил своим телом, задышав в лицо. От него разило спиртным и дорогим парфюмом, Сашу едва не стошнило. Она попыталась вырваться во что бы то ни стало, а у него, к счастью, не четыре руки, всего-то две. И одной нужно держать жертву, второй юбки поднять, а у нее не юбки – сплошные складки плюс скользкие ткани. Пользуясь его замешательством, Саша пыталась оттолкнуть мерзавца, поняла, что он сильнее, тогда когтями (а когти будь здоров, крепкие и острые) безжалостно проехала по щеке Роберта.

Взвыл бедняжка. Тоже не ожидал от нее эдаких зверств. Наудачу у него сработал рефлекс: Роберт схватился за щеку, естественно, ослабил хватку второй руки, да и сам размяк: физическая боль – метод действенный. Саше удалось его оттолкнуть, она поднялась, рванула к двери...

Тем временем Роберт, увидев собственную почти золотую кровь на собственной холеной ладони, догадался, что когтистая девка едва не сделала его инвалидом, и просто озверел. Он успел поймать ее за ворот, дернув на себя... разорвал верх божественного платья, которого нет даже у европейских принцесс, на две половины...

– Свинья! – зло бросила ему Саша и...

Он ударил ее. Наотмашь. Она заметила ладонь, летевшую в лицо, в последний момент и не смогла увернуться, не сообразила, как это сделать, да и подумать об этом не успела. Он ударил. Казалось, голова отлетела от тела. Но отлетела Саша – к пластиковой стене, непроизвольно закричав, когда ударилась о стену, да такую крепкую, что едва кости не раздробились. Саша буквально стекла по ней на пол, как стекает густая жидкость, в то же время она с удивлением наблюдала, что все вокруг зашаталось вместе со столами, окнами, шкафами. От удара у нее нарушилась координация, и, потеряв ориентиры, она уже не могла оказывать сопротивление, стала тряпичной куклой...

5

– Нет, – сказала продавщица цветов, вялая женщина лет за сорок со следами хронической усталости на болезненно-сероватом лице. – Даже если б и хотела дать вам номер телефона заказчика, не смогу этого сделать.

– Почему? – поинтересовался Инок, будто не догадывался.

Впрочем, велика вероятность, что ни одна версия из его предположений не окажется верной, потому предпочтительней послушать главный источник. Продавщица опустила руку в карман вязаной кофты и достала дешевенький смартфон. Молча. А Саша тем временем машинально огляделась и, как ни странно, поежилась в этом царстве Флоры. Сегодня ее восприятие цветочного салона оказалось совсем иным, чем раньше.

В небольшом квадратном помещении, расположенном в цокольном этаже старинного особняка, было холодно, как в море. В сущности, это и есть морг – морг для цветов, ведь все они срезаны и медленно умирают, хотя им стараются продлить жизнь, но только чтобы продать. Вон их сколько... на полу в больших керамических вазах, на полках в вазах поменьше, на подоконниках... Везде-везде. Разные-разные. Слишком идеальной формы, словно ненастоящие, впрочем, человек их создал, он же их и убивает. И продавщица будто полуживая, медленно говорила, медленно тыкала пальцем в экран смартфона, вероятно, каждодневное умирание цветов забирает и ее жизненную силу.

– Простите, у меня тут настройки сбились... – будто угадала она мысли красивой девушки, после протянула Иннокентию трубку со словами: – Вот. Это номер, с которого нам сделали несколько заказов для актрисы нашего театра Александры Бояровой. Мне очень нравится, как вы играете.

– Спасибо, – дежурно ответила Саша.

– Хм... – почесывая затылок, выпятил губу Инок, одновременно изучая запись в смартфоне.

Саша пыталась заглянуть через его плечо... но у него же плечищи, а не плечи, да и рост – мама не горюй. Пришлось его толкнуть в бок, а когда он оглянулся, она поняла, что про нее этот «большой и сильный» попросту забыл. Однако вспомнил и сунул под нос телефон:

– Номер скрыт. Скажите, – обратился теперь к продавщице, – кто делал заказ – мужчина или женщина?

– М... – нахмурила та брови, припоминая. – Всего было четыре заказа, три раза звонил мужчина и один раз – женщина.

– А как делали заказы? Что при этом говорили?

– Ну... обязательно оговаривалось количество роз... их цвет... Он настаивал на чистом желтом цвете, нам приходилось специально заказывать эти розы. Еще требовали, чтоб никаких излишеств... надпись на карточке оговаривалась... обязательное условие – ленты...

– И цвет лент оговаривался? – подхватил он.

– Да. Цвет тоже. Черный. Я позволила себе высказать мнение, что черный цвет не принят в букетах для живых людей. Мне ответили, что он хорошо сочетается с желтым и зеленым, это красиво.

– Так и сказано было: «это красиво»?

– Да, именно так.

– Мужчина? Он сказал?

– Да. Это же был первый звонок, тогда очень подробно оговаривались условия, – недоуменно ответила она, не понимая, почему молодой человек заострил внимание на ничего не значащих словах. – А... простите, что вас не устраивает? Есть претензии к нам?

– Все устраивает, претензий нет, – весело, на манер простодушного дурачка, сказал Инок. – Просто мы удивлены: четыре букета, и неизвестно от кого. Вы бы не захотели узнать, кто этот даритель?

– Не знаю. Мне таких цветов никогда не дарили. Но и вам я не помогу, заказчик не пожелал назвать своего имени.

– Дорогое удовольствие, а?

– Недешевое, – призналась продавщица. – За каждый заказ салону выплачивалась дополнительная тысяча рублей в качестве премии.

– М-м-м, – одобрительно промычал Инок, посмотрев и на Сашу. – Щедро, щедро. А как заказчики расплачивались?

– На карту переводили сумму в день доставки.

– Догадываюсь, что от вас не требовали фотоотчет отправить...

– Как бы мы отправили фотоотчет, если не имеем номера? – задала ему встречный вопрос продавщица.

– Ну, да, ну, да, – согласился Инок. – А скажите, когда вам надо доставить следующий букет?

– Пока не было заказа. Обычно звонок поступает за пару дней, ведь нам еще надо цветы привезти со склада, это же другой город. Все-таки вы обеспокоены, что-то не так?

Иннокентий остановил долгий взгляд на ее уставших глазах, подсознательно проверяя, утаила ли она что-либо. Ей здесь так скучно, покупателей мало, а тут золотой клиент привалил, да ради него она солжет на всю тысячу рублей, что кидает ей в виде премии заказчик. Между тем продавщица спокойно смотрела на него, ожидая ответа, обычно люди с задней мыслью виновато уводят взгляд в сторону. Через паузу он ответил тоже вопросом:

– А разве вас не насторожили бы дорогие букеты с похоронными лентами от неизвестных поклонников?

– Извините... Я только выполнила заказ...

– Мы вас и не виним, что вы!

На прощание он купил три белые хризантемы и, попрощавшись с женщиной, Инок с Сашей вышли из цветочного салона. Машина стояла неподалеку, к ней шли медленно, торопиться-то некуда, до вечернего спектакля времени много. Иннокентий должен был монтировать декорации, но отпросился на часок, ему не отказали только потому, что сам он всегда готов выручить. А там где час, там и двадцать минут плюс. Короче, парень не переживал.

Осень аномально теплая и затянулась в нынешнем году. Но вот похолодало, и существенно, на небо напоззли серые тучи, по тротуару переваливались багровые и желтые листья. Опять желтый цвет, цвет осени и умирания, он просто преследует Сашу. Поскольку Иннокентий молчал, а она из беседы с продавщицей не вынесла абсолютно ничего полезного, вздохнула:

– Мой поклонник обязательно объявится, я чувствую. Внезапно. Чтобы я на месте умерла.

– У него будут клыки, длинные когти, весь волосатый, а случится это в полнолуние, – мрачно пошутил Инок. – Но если серьезно, не нравится мне история с твоими цветочками, отдает не только мистикой, а самым настоящим заговором. Покопайся в памяти, ты ничего не натворила, за что тебе захотелось бы, например, мстить?

– По ночам летала на метле, крала младенцев и поедала их на Лысой Горе, – тоже мрачно сострила Саша. – Ты столько задал вопросов продавщице... я не поняла смысла.

– А тебе и не надо.

Резковато ответил, Саша надулась, закусила губу и опустила голову. Собственно, ему было нечем порадовать девушку, раздражение этим и вызвано. Иннокентий предпринял попытку загладить вину, несмело обнял за плечи Сашу, по-дружески обнял, а она шевельнула плечами, высвобождаясь:

– Не обнимай меня.

– Не буду. Не сердись, Саша, я задавал вопросы от балды, первые, что приходили в голову... ну, просто искал, за что можно зацепиться.

– Зацепился?

– Нет. Но озадачился. Мутноватая история... Думаю, не поклонник одаривает тебя цветами.

– Знаешь, об этом я и сама догадалась.

Пришли к машине, которая пискнула и «подмигнула» фарами, когда Иннокентий нажал на брелок. Саша хотела открыть дверцу, однако ее добровольный помощник поспешил это сделать сам, что в данном городе нетипично для мужского населения. Она уселась на свое место, и вдруг ее осенила простая мысль:

– А маньяк? Вдруг это маньяк?

Инок захлопнул дверцу, обошел нос кроссовера, а ответил, когда очутился в кресле водителя:

– Маньяк? Возможно. Это тебе.

Белые хризантемы, с идеально одинаковыми лепестками, словно вылепленные из воска, производившие впечатление неживых цветов, не хватало маленькой детали – похоронной ленты. Саша инстинктивно подалась корпусом к дверце, отстраняясь от букета:

– Я больше не люблю срезанные цветы. Никакие.

– Почему?

– Так...

– И что я теперь, как дурак буду ходить с ними?

– Ходи как умный. Или отдай кому-нибудь.

Равнодушно пожав плечами, Инок кинул хризантемы через свое плечо и – да, они упали точно на заднее сиденье. Ловкий парень. Ловких немало на белом свете, встретились они и ей...

* * *

...Да, стала абсолютно безвольной тряпичной куклой, не способной ни говорить, ни кричать, ни сопротивляться. Только понимала боль и что шатание предметов явление ненормальное, нужно переждать этот момент, а потом... Не успела решить, что должно быть потом, так как Роберт подхватил ее с пола за руки-плети и с силой бросил на стол лицом вниз. Это был тоже болезненный удар, боль пронзила от носа в лоб и захватила голову. А где-то на периферии сознания, она слышала отдаленный, искаженный голос Роберта, словно пропущенный через пустой резервуар, оттого сливающийся с эхом:

– Я тебе покажу, кто из нас свинья... Сейчас вставлю тебе, и узнаешь...

Вот когда понимаешь, как нужна голова! Точнее, ясный ум. Именно голова руководит телом, без нее ты – ноль! Но эта часть не вернулась на место, потому тело находилось в нелепой беспомощности. Саша понимала происходящее, а ничего не могла поделать, даже позвать на помощь не получалось.

Собирая силы для отпора, она вдруг почувствовала, что в состоянии управлять руками, Саша оперлась о стол и приподнялась, но сволочь Роберт ударил ее в спину, она снова упала лицом в стол. После этой слабой попытки высвободиться он заломил ей руки назад и возился с юбками, чертыхаясь. Юбки спасали Сашу – они слишком широкие, ткани скользкие, пока доберешься... У нее снова был шанс, она собирала силы.

Внезапно почувствовала свободу. Полную. Словно Роберт отлип от нее. Может, он пришел в себя и одумался? Но раздался грохот... падение человеческого тела... Мужской голос (не Роберта) прорычал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.